ЮЛИЯ

ШИЛОВА

18+

НОВИНКА + СУДЬБЫ В ПИСЬМАХ

Незабываемая, или Я буду лучше, чем она

Женщина, которой смотрят вслед

Юлия Шилова

Незабываемая, или Я буду лучше, чем она

«АСТ»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос=Рус)-44

Шилова Ю. В.

Незабываемая, или Я буду лучше, чем она / Ю. В. Шилова — «АСТ», 2018 — (Женщина, которой смотрят вслед)

ISBN 978-5-17-105355-0

Есть ли настоящая любовь? Чтобы один раз и на всю жизнь… Или это сказка для взрослых, которые в нее не верят и живут страстями и предательством? Анна ощущала себя на седьмом небе от счастья. Матвей, которого она полюбила всей душой, сделал ей предложение руки и сердца. И теперь они летят в свадебное путешествие на Мальдивы. Но самолет при посадке терпит крушение. Анна помогает Матвею прийти в себя и просит ей помочь, потому что замок ремня безопасности заело. Но Матвей решает, что его жизнь дороже, и бросает новоиспеченную супругу на съедение огненной стихии. Но Анна выжила. Очнувшись, она понимает, что находится в больнице, и слышит, как незнакомый мужчина называет ее своей женой…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-17-105355-0

© Шилова Ю. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Шилова
Незабываемая, или Я буду лучше, чем она

© Ю. Шилова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

От автора

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! ЭТО МОЯ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ КНИГА! САМА В ШОКЕ ОТ ТАКОГО ЧИСЛА!

В СВОИХ ПИСЬМАХ ДОВОЛЬНО ЧАСТО ВЫ ЗАДАЁТЕ ОДИН ВОПРОС: КАК ОТЛИЧИТЬ МОИ НОВЫЕ КНИГИ ОТ РАНЕЕ НАПИСАННЫХ, ВЕДЬ ТЕПЕРЬ У НИХ ДВОЙНЫЕ НАЗВАНИЯ. ЭТО ОЧЕНЬ ПРОСТО. ПОЖАЛУЙСТА, БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ И ПОМНИТЕ: ВЫ МНЕ ОЧЕНЬ ДОРОГИ. ПОВЕРЬТЕ, НИКТО НЕ ХОЧЕТ ВАС ОБМАНУТЬ. НА МОИХ НОВЫХ КНИГАХ УКАЗАНО: НОВИНКА. НА КНИГАХ, НАПИСАННЫХ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД, ЕСТЬ СТРОКА: НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ. НИКАКИХ ХИТРОСТЕЙ И СЕКРЕТОВ НЕТ. ТЕПЕРЬ Я МОГУ ОТВЕЧАТЬ НА ВАШИ ПИСЬМА С ВОПРОСАМИ В КОНЦЕ КНИГ, РАССКАЗЫВАТЬ, ЧТО ТВОРИТСЯ В МОЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, ДА И ПРОСТО ПИСАТЬ О ТОМ, ЧТО У МЕНЯ НА ДУШЕ. СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ, ЗА ЛЮБОВЬ К МОЕМУ ТВОРЧЕСТВУ. МНЕ СЕЙЧАС КАК НИКОГДА НЕОБХОДИМА ВАША ПОДДЕРЖКА.

ПЕРЕЧИТЫВАЮ РУКОПИСЬ И УДИВЛЯЮСЬ СВОЕЙ ГЕРОИНЕ. ОНА МОЛОЖЕ, ЭГОИСТИЧНЕЕ, РЕШИТЕЛЬНЕЕ, АМБИЦИОЗНЕЕ, РИСКОВАННЕЕ, ЦИНИЧНЕЕ. ЛЮБИТ ХОДИТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА ИЛИ ПРОГУЛИВАТЬСЯ ПО КРАЮ ПРОПАСТИ. ОНА ТАКАЯ, КАК ЕСТЬ, УЖЕ СУЩЕСТВУЕТ ОТДЕЛЬНО ОТ МЕНЯ, ВЫЗЫВАЯ ИЛИ ГРОМКУЮ КРИТИКУ, ИЛИ НЕПОДДЕЛЬНОЕ УДИВЛЕНИЕ. НЕ СУДИТЕ ЕЁ СТРОГО, ВЕДЬ НЕ КАЖДАЯ ЖЕНЩИНА МОЖЕТ ПОСТАВИТЬ В ЖИЗНИ ЦЕЛЬ ПОКОРИТЬ СНЕЖНУЮ ВЕРШИНУ И НАУЧИТЬСЯ БРАТЬ ОТ ЖИЗНИ ВСЁ, ЧТО ПОЖЕЛАЕТ.

МОЯ ГЕРОИНЯ – НЕОРДИНАРНАЯ ЖЕНЩИНА, ОНА ВЫБРАЛА СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ И ГОТОВА К ЛЮБЫМ ИСПЫТАНИЯМ И ПРЕПЯТСТВИЯМ. ЧЕМ БОЛЬШЕ ТРУДНОСТЕЙ, ТЕМ СИЛЬНЕЕ ЗАКАЛЯЕТСЯ ЕЁ ХАРАКТЕР. ОНА РИСКНУЛА ВЫЙТИ ЗА РАМКИ УСЛОВНОСТЕЙ И ВСЁ ВРЕМЯ ПРОДОЛЖАЕТ ИСКАТЬ ТАИНСТВЕННУЮ ДВЕРЦУ, ЗА КОТОРОЙ СКРЫВАЕТСЯ СЧАСТЬЕ. ОНА ПРОСТО РЕШИЛАСЬ БЫТЬ СОБОЙ, А В НАШЕ НЕЛЁГКОЕ ВРЕМЯ ЭТО НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНАЯ РОСКОШЬ.

Я ИСКРЕННЕ НАДЕЮСЬ, ЧТО ЭТОТ РОМАН НАУЧИТ ВАС ЦЕНИТЬ НАСТОЯЩЕЕ. ГОВОРЯТ, В ЖИЗНИ НИЧТО НЕ ВЕЧНО, ВСЕГДА ЕСТЬ ОПАСНОСТЬ, ЧТО ДАЖЕ ОТ САМОЙ СТРАСТНОЙ ЛЮБВИ МОГУТ ОСТАТЬСЯ ТОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЯ. Я СОГЛАСНА С ГЕРОИНЕЙ СВОЕГО РОМАНА – ЛЮБОВЬ НЕЛЬЗЯ ВОСПРИНИМАТЬ КАК ДАННОСТЬ. МЫ, К СОЖАЛЕНИЮ, ТАК УСТРОЕНЫ, ЧТО НАЧИНАЕМ ЦЕНИТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ТЕРЯЕМ. ЗАБЫВАЕМ, ЧТО БЕРЕЧЬ ЧУВСТВА НУЖНО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС, ВЕДЬ ОТПУЩЕННОЕ НАМ ВРЕМЯ ТАК СКОРОТЕЧНО…

ДОРОГИЕ МОИ ЧИТАТЕЛИ, СТАВШИЕ УЖЕ ПРОСТО РОДНЫМИ ЛЮДЬМИ, НИЗКИЙ ВАМ ПОКЛОН ЗА ТО, ЧТО ВЫ ОТКРЫЛИ ДЛЯ СЕБЯ МИР МОИХ КНИГ. Я СЧАСТЛИВА, ЧТО ЧАСЫ ГРЁЗ, РАДОСТИ И ВОЛНЕНИЙ, ПОДАРЕННЫХ МОИМИ КНИГАМИ, ДОСТАВЛЯЮТ ВАМ ИСТИННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ. Я ВЕРЮ, ЧТО КАК ТОЛЬКО ВЫ ПОГРУЖАЕТЕСЬ В МОЮ ОЧЕРЕДНУЮ КНИГУ, ДЛЯ ВАС ПРЕКРАЩАЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР.

МНЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ МОИ КНИГИ ПОМОГЛИ ЖЕНЩИНАМ ПОНЯТЬ НЕОБЪЯСНИМЫЕ, НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, ПОСТУПКИ МУЖЧИН, А МУЖЧИНЫ СМОГЛИ ИЗУЧИТЬ ПСИХОЛОГИЮ ЖЕНЩИН. Я ВМЕСТЕ СО СВОИМИ ЧИТАТЕЛЬНИЦАМИ ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ ДУШЕВНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ МУЖЧИН…

РАБОТАЯ НАД ОЧЕРЕДНОЙ КНИГОЙ, ВСЕГДА ОЩУЩАЮ РЯДОМ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ. СМОТРЮ НА ВАШИ ПИСЬМА И ЧУВСТВУЮ ВАШУ БОЛЬ, ВАШИ СТРАХ

И ДУШЕВНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ. Я ПЫТАЮСЬ СДЕЛАТЬ СВОИХ ГЕРОИНЬ ВАШИМ ЗЕРКАЛОМ И МОСТИКОМ, КОТОРЫЙ СВЯЗЫВАЕТ ВАШИ ЖЕЛАНИЯ, РАЗОЧАРОВАНИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ. ИСКРЕННЕ НАДЕЮСЬ, ЧТО МОИ КНИГИ ПОМОГАЮТ ВАМ ОБРЕСТИ ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ, И ВСЕГДА МОЛЮСЬ, ЧТОБЫ ВСЕ ВАШИ МЕЧТЫ И ЖЕЛАНИЯ СБЫЛИСЬ. Я НАДЕЮСЬ, ЧТО МОИ КНИГИ ПРИДАДУТ ВАМ МУЖЕСТВА, ПОМОГУТ ЗАГЛЯНУТЬ ВНУТРЬ СЕБЯ И ОБРЕСТИ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ.

ЕСЛИ НА ДУШЕ СОВСЕМ ПУСТО, ДУМАЙТЕ ТОЛЬКО О ХОРОШЕМ… ЗНАЙТЕ: ДАЖЕ ЕСЛИ СЕРДЦЕ ПОЛНОСТЬЮ РАЗБИТО, ОНО ВСЁ РАВНО ЕЩЁ ВЕРИТ В ЛЮБОВЬ… И ДАЖЕ ЕСЛИ МЫ ГОВОРИМ, ЧТО ВСЁ ХОРОШЕЕ ОСТАЛОСЬ В ПРОШЛОМ И БОЛЬШЕ НЕТ НИ СИЛ, НИ ЖЕЛАНИЯ ЖИТЬ, ВСЕГДА ЕСТЬ СКРЫТЫЙ РЕЗЕРВ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬСЯ С КОЛЕН, СОБРАТЬСЯ С СИЛАМИ И НАЧАТЬ ВСЁ СНАЧАЛА…

ЭТА КНИГА О НАШЕЙ СООТЕЧЕСТВЕННИЦЕ, О ЕЁ ТЕРНИСТОМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ. ГЕРОИНЮ РОМАНА МОЖНО СМЕЛО НАЗВАТЬ СТЕРВОЙ. ДЛЯ КОГО-ТО ИЗ МОИХ ЧИТАТЕЛЬНИЦ ОНА СТАНЕТ БЛИЗКОЙ ПОДРУГОЙ И ВЫЗОВЕТ НАСТОЯЩЕЕ ВОСХИЩЕНИЕ. КТО-ТО, НАОБОРОТ, ИСПЫТАЕТ К НЕЙ НЕПРИЯЗНЬ И ПОСЧИТАЕТ, ЧТО ОТ НЕЁ ИСХОДИТ ТОЛЬКО НЕГАТИВ. СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ, СТОЛЬКО И МНЕНИЙ. НО, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, МОЯ ГЕРОИНЯ НЕ ОСТАВИТ НИКОГО РАВНОДУШНЫМ, ПОТОМУ ЧТО ОНА СТЕРВА, А СТЕРВА НЕ МОЖЕТ НРАВИТЬСЯ ВСЕМ.

ОНА НЕ РАЗМЕНИВАЕТСЯ ПО МЕЛОЧАМ И ВСЕГДА БЬЁТ ПО МУЖСКОМУ САМОЛЮБИЮ, ВЫИСКИВАЯ В МУЖСКОЙ ПСИХИКЕ СЛАБЫЕ И УЯЗВИМЫЕ МЕСТА. ОНА СЛИШКОМ НЕПРЕДСКАЗУЕМА И СВОЕВОЛЬНА, ХОТЯ ЗА ЭТУ СВОЕВОЛЬНОСТЬ ЕЙ ПРИХОДИТСЯ СЛИШКОМ ДОРОГО ПЛАТИТЬ.

МОЯ ГЕРОИНЯ СВОБОДНА И НЕЗАВИСИМА КАК ВНУТРЕННЕ, ТАК И ВНЕШНЕ. ОНА ВЗЯЛА ВЫСОКУЮ ПЛАНКУ, ХОРОШО УЯСНИВ, ЧТО МУЖЧИНА НЕ ДАСТ НИ НА ГРОШ БОЛЬШЕ ТОЙ ЦЕНЫ, КОТОРУЮ ОНА НАЗНАЧИЛА СЕБЕ САМА.

ЭТО ИСТОРИЯ МОЛОДОЙ ДЕВУШКИ, КОТОРАЯ УМЕЛА МАНИПУЛИРОВАТЬ ЛЮДЬМИ И НАПРАВЛЯТЬ СИТУАЦИЮ В НУЖНОЕ ЕЙ РУСЛО. ОНА ПРОСТО НЕ ПОБОЯЛАСЬ БЫТЬ СИЛЬНОЙ, УМЕЛА БЛЕФОВАТЬ И РИСКОВАТЬ, А ЕЩЁ УМЕЛА ДОСТОЙНО ПРОИГРЫВАТЬ.

ЛЮБЛЮ ЛИ Я ЭТУ КНИГУ? КОНЕЧНО, ЛЮБЛЮ, ВПРОЧЕМ, КАК И ВСЕ СВОИ КНИГИ. КАК НИ БАНАЛЬНО ЗВУЧИТ, ОНИ ВСЕ ДЛЯ МЕНЯ КАК МОИ ДЕТИ. В КАЖДУЮ ИЗ НИХ Я ВЛОЖИЛА СВОЮ ДУШУ. ХОЛИЛА, ЛЕЛЕЯЛА, ВЫРАЩИВАЛА И НЕ СПАЛА НОЧАМИ.

Я ЗНАЮ, В МОИХ КНИГАХ МНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ, КОТОРЫЕ ВЫ ВЫПИСЫВАЕТЕ В БЛОКНОТЫ И ВОСПРИНИМАЕТЕ КАК РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ, И ЭТО НЕ МОЖЕТ НЕ РАДОВАТЬ. ВСЕ МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ЛУЧШЕ УЧИТЬСЯ НА ЧУЖИХ ОШИБКАХ, ЧЕМ НА СВОИХ. ЕСЛИ ВАМ НРАВИТСЯ ВСЁ, ЧТО Я ДЕЛАЮ, ВАМ БЛИЗКО И ПОНЯТНО МОЁ СОСТОЯНИЕ, ТОГДА НАМ С ВАМИ ПО ПУТИ. Я ПИШУ ДЛЯ ТЕХ, КТО НАХОДИТСЯ СО МНОЙ НА ОДНОЙ ВОЛНЕ, КТО ЧУВСТВУЕТ МОЮ МЫСЛЬ МЕЖДУ СТРОК И НУЖДАЕТСЯ В МОИХ КНИГАХ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК Я НУЖДАЮСЬ В ЛЮБВИ СВОИХ ДОРОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ИТАК, ДАВАЙТЕ ВМЕСТЕ ОКУНЁМСЯ В ЖЕСТОКИЙ МИР ЕЩЁ ОДНОЙ ЖЕНСКОЙ СУДЬБЫ И ПОПЫТАЕМСЯ НЕ СУДИТЬ ГЕРОИНЮ СТРОГО, ВЕДЬ НИКТО ИЗ НАС НЕ СОВЕРШЕНЕН И НАМ ВСЕМ ТАК НЕ ХВАТАЕТ ЛЮДСКОЙ БЛАГОСКЛОННОСТИ И ДРУЖЕСКОГО УЧАСТИЯ.

УСТРАИВАЙТЕСЬ ПОУДОБНЕЕ, ВОЗЬМИТЕ ЧАШЕЧКУ КОФЕ ИЛИ ЧАЮ И… НАЧИНАЙТЕ ЧИТАТЬ. А Я БУДУ РЯДОМ. МНЕ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО, КАК ВЫ СТА-

НЕТЕ РЕАГИРОВАТЬ НА СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В РОМАНЕ, НА ИНТРИГИ И СТРАСТИ, КОТОРЫЕ ТАМ РАЗГОРАЮТСЯ. Я ВМЕСТЕ С ВАМИ БУДУ ПЕРЕЖИВАТЬ ВСЕ СОБЫТИЯ РОМАНА ЗАНОВО.

ПРИЗНАТЬСЯ ЧЕСТНО, МНЕ ВООБЩЕ НЕ ХОЧЕТСЯ С ВАМИ РАССТАВАТЬСЯ, НО ПОСЛЕ ТОГО, КАК ВЫ ПРОЧИТАЕТЕ РОМАН, УВЫ, ВСЁ ЖЕ ПРИДЁТСЯ. НО ЭТО СОВСЕМ НЕНАДОЛГО, ПОТОМУ ЧТО ЗА РАССТАВАНИЕМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОСЛЕДУЕТ СКОРАЯ ВСТРЕЧА, И ОНА ПРОИЗОЙДЁТ СРАЗУ, КАК ТОЛЬКО ВЫ ВОЗЬМЁТЕ В РУКИ МОЮ СЛЕДУЮЩУЮ НОВУЮ КНИГУ.

ВЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, КАК МНОГО МНЕ ХОЧЕТСЯ ВАМ РАССКАЗАТЬ, КАК МНОГИМ ХОЧЕТСЯ ПОДЕЛИТЬСЯ… ТОЛЬКО БЫ ХВАТИЛО СИЛ, ЗДОРОВЬЯ И ВРЕМЕНИ. МНЕ СЛИШКОМ ДОРОГО НАШЕ ОБЩЕНИЕ. ВСЕ ВАШИ ПРОБЛЕМЫ, ПОРАЖЕНИЯ И МАЛЕНЬКИЕ ПОБЕДЫ Я ВОСПРИНИМАЮ КАК СВОИ СОБСТВЕННЫЕ. Я ПРОПУСКАЮ ВСЁ ЧЕРЕЗ СЕБЯ И МЕЧТАЮ, ЧТОБЫ НАШИ ОТНОШЕНИЯ БЫЛИ ПОСТРОЕНЫ НА ИСКРЕННОСТИ. ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЛИ: САМОЕ ЛУЧШЕЕ, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ В НАШЕЙ ЖИЗНИ, ЕЩЁ ВПЕРЕДИ.

ПУСТЬ НАШ С ВАМИ МАЛЕНЬКИЙ МИР, КОТОРЫЙ УДАЛОСЬ СОЗДАТЬ ЗА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАШЕГО ТЕСНОГО ОБЩЕНИЯ, БУДЕТ ДАЛЁК ОТ ХАМСТВА, ЦИНИЗМА, ЗАВИСТИ, ЗЛОСТИ И ЛЖИ. ЕСЛИ НА ДУШЕ КОШКИ СКРЕБУТ, ВСЁ ВАЛИТСЯ ИЗ РУК, УХОДИТ ИЗ-ПОД НОГ ПОЧВА И РУШИТСЯ ВОКРУГ МИР, ПРОСТО ПОДОЙДИТЕ К ЗЕРКАЛУ, ПОСМОТРИТЕ СЕБЕ В ГЛАЗА, УЛЫБНИТЕСЬ СВОЕМУ ОТРАЖЕНИЮ И СКАЖИТЕ, ЧТО ВЫ СЕБЯ ЛЮБИТЕ И ПРИНИМАЕТЕ ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ, ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ДОСТОИНСТВАМИ И НЕДОСТАТКАМИ.

ЕСЛИ МЫ СЕБЯ ЛЮБИМ, ЗНАЧИТ, ДОСТОЙНЫ СЧАСТЬЯ И ВСЕГО САМОГО ЛУЧШЕГО, ЧТО ЕСТЬ В ЖИЗНИ. МЫ ПРОСТО УЛЫБНЁМСЯ СЕБЕ И ОКРУЖАЮЩИМ. УЛЫБНЁМСЯ СВОИМ ПРОБЛЕМАМ, БЕДАМ И НЕУДАЧАМ. МЫ ВЫШЕ, МЫ СИЛЬНЕЕ, И НАС НЕВОЗМОЖНО СЛОМАТЬ. А НАША УЛЫБКА… НАША УЛЫБКА БУДЕТ ПЕРВЫМ ШАГОМ НА ПУТИ К СЧАСТЬЮ. КАК ТОЛЬКО НАУЧИТЕСЬ УЛЫБАТЬСЯ, ВЫ БУДЕТЕ УДИВЛЕНЫ, СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, НУЖДАЮТСЯ В ВАШЕЙ ЛУЧЕЗАРНОЙ УЛЫБКЕ.

МЫ НЕНАДОЛГО С ВАМИ РАССТАНЕМСЯ. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ ВНОВЬ. НЕМНОГО ПЕРЕДОХНУВ, Я НАЧНУ РАБОТУ НАД НОВЫМ РОМАНОМ, ПОТОМУ ЧТО УЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ БЕЗ ЭТОГО ЖИЗНИ. Я, КАК И ПРЕЖДЕ, ЖДУ ВАШИХ ПИСЕМ И НАПОМИНАЮ: КАЖДЫЙ ИЗ МОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПО ЕГО ЖЕЛАНИЮ, МОЖЕТ СТАТЬ ГЕРОЕМ МОЕЙ СЛЕДУЮЩЕЙ КНИГИ. ПРИЯТНОГО ВАМ ЧТЕНИЯ!

С огромной любовью!
Всегда ваша ЮЛИЯ ШИЛОВА

С любовью ко всем состоявшимся женщинам и к тем, кто ещё состоится.

Никогда не бойтесь воплощать в жизнь свои самые светлые мечты, верьте в себя.

Важно, чтобы у всех были силы двигаться вперёд.

Будьте всегда готовы к очередному броску, а если упадёте, то не бойтесь встать и начать всё сначала.

Каждая из нас имеет право где-нибудь на закате лет сказать себе: «Я сделала всё, что могла, и даже больше…»

Глава 1

Самолёт затрясло так, что закричали сидящие позади меня пассажиры, и давление изо всей силы ударило мне в уши. Я схватила бледного Матвея за руку, смертельно испугавшись.

– О боже… Что это?

Я не люблю летать. Терпеть не могу самолёты. Мне не нравится, когда ответственность за мою жизнь лежит на плечах чужих мне людей. Это страх потери контроля над своими действиями. Срабатывает инстинкт самосохранения и тревожные опасения за благополучные взлёт и посадку.

Сама мысль о необходимости перелёта всегда вызывала у меня тревогу. Если кто-то умел отвлечься во время полёта книгой, фильмом, музыкой или приятной беседой, это не про меня. Зачастую мне не помогали ни алкоголь, ни транквилизаторы. Алкоголь имел привычку испаряться намного раньше, чем ожидалось, и страх, а вместе с ним и головная боль возвращались.

– Не переживай. Это просто зона высокой турбулентности, – неуверенно произнёс Матвей и, нервно достав носовой платок, вытер пот со лба.

По салону ходила заметно покачивающаяся от тряски стюардесса, проверяла у всех ремни, не разрешала вставать и откидываться в кресле. Меня залихорадило. Не передать словами, как захотелось покинуть этот железный летающий гроб. Я еле сдерживалась, чтобы не крикнуть стюардессе, чтобы меня немедленно выпустили из самолета. Жуткие и неприятные ощущения. Очень сложно в такие моменты держать себя в руках. Хотелось выпрыгнуть, и дело с концом. А если самолёт попадал в зону турбулентности, мне сразу начинало казаться, что мы уже падаем. Ещё немного, и фрагменты наших тел будут искать на деревьях.

Матвей знал о моей нелюбви к самолетам и перед полётом любил меня настраивать на нужный психологический лад, рассказывая, что автомобильный транспорт гораздо опаснее воздушного. Я делала вид, будто внимательно слушаю, а сама недоумевала: как он не ощущает потенциальной опасности полёта? Матвей напоминал мне, что каждый день на самолётах летают миллионы пассажиров и с ними ничего не происходит. Глупо отказывать себе в удовольствии комфортного путешествия из-за страха. Не стоит себя ограничивать. Нужно найти силы побороть эту дрянь и получать удовольствие от прекрасного полёта. Просто наслаждаться облаками и небом.

Иногда Матвей посмеивался над моей аэрофобией и говорил, что от случайных событий невозможно подстраховаться, потому что они подстерегают нас повсюду. На улице может сбить машина. С крыши может упасть сосулька или даже кирпич. В море мы можем потерпеть кораблекрушение, утонуть в волнах у самого берега. Крах в небе – это тоже случайность.

Матвей не уставал повторять, что самолёт – самый безопасный вид транспорта, а вот автомобиль – самый опасный. И здесь я не могла с ним согласиться. В конце концов, в автомобиле я сама за рулём, а значит, мне приходится рассчитывать на себя, а не на кого-то другого. Возможно, всё же это свойство моего характера и нервной системы.

И всё-таки жаль, что таблетки от страха не существует. Иногда я впадаю в ступор и с ужасом смотрю на прогуливающихся по салону людей. Мне хочется крикнуть им, чтобы они не вставали со своих мест, потому что мне начинает казаться, что самолёт упадёт. Я с ужасом смотрю на стюардесс и не могу понять, зачем полёты стали частью их жизни и почему они не боятся летать.

Перед каждым полётом я занималась самоубеждением, изучала статистику авиакатастроф и даже конструкцию самолёта. Больше всего я боялась смотреть в иллюминатор. Матвей, как мог, меня успокаивал и говорил, что так нервничать крайне опасно для здоровья. Мне было стыдно за свой страх, но я не могла ничего с собой поделать. Начинало бешено колотиться сердце, и почему-то казалось: ещё немного, и мне не хватит воздуха.

Перед каждым полётом мне снились кошмары, после которых я просыпалась в холодном поту. Да уж, подобная фобия реально мешает жить. Матвей же чувствует себя в самолёте как дома на диване.

Чуть позже самолёт резко накренился, проснувшиеся пассажиры закричали, сбоку послышалась молитва; стюардесса, пытающаяся объяснить пассажирам, что необходимо положить голову на колени и накрыть её руками, сама с грохотом упала на пол и больно ударилась. Я обливалась холодным потом, щека у Матвея дёргалась, а глаза налились кровью.

– Матвей, это всё?! – отчаянно крикнула я и вжалась в кресло.

Страх совершенно перестал мне подчиняться, началась паника. Мои чувства были слишком обострены предстоящим уходом из жизни. Уж я-то хорошо понимала, что выжить в машине, падающей с высоты десять тысяч метров, практически невозможно.

Я прокусила губу до крови и невольно подумала, что жизнь продолжит идти своим чередом, только меня уже не будет. Священник прочитает отходную, а пришедшие проводить меня в последний путь будут вспоминать обо мне самое хорошее, а быть может, и самое плохое. На моей могиле будут лежать мои любимые алые розы. Так как меня похоронят в закрытом гробу, провожающие будут класть на мой гроб цветы, с грустью смотреть на мою фотографию и говорить почти шёпотом: «Она так боялась летать…»

А затем мой гроб опустят в землю, и люди начнут расходиться. Но те, кто дороже мне больше всего на свете, останутся до последнего, не веря в происходящее. Почувствовав, что моя душа отделилась от тела, я поднимусь над родными и попытаюсь им крикнуть, чтобы они не плакали. Зачем плакать, ведь я не чувствую боли. Но я не могу кричать. У меня больше нет голоса, и я лечу опять в высоту…

– Аня, это всего лишь турбулентность, – всё так же неуверенно произнёс Матвей, стараясь отвлечь меня от самых страшных мыслей. – Самолёт идёт на снижение. За окном дождь и гроза.

– Тогда почему нам дали разрешение на посадку? Приземляться в грозу опасно. За иллюминатором молнии. Погодные условия очень плохие.

– Анюта, пилотам виднее. Уверяю, всё будет хорошо, – попытался успокоить меня Матвей, но при этом он выглядел так, будто спокойствие катастрофически требовалось ему самому.

– Матвей, что-то мне подсказывает, мы не долетим до Мальдив…

– Я же сказал, мы попали в зону сильнейшей турбулентности. Турбулентность – это беспорядочное изменение давления, температуры воздуха, направления ветра и скорости. Если самолёт попал в зону турбулентности, значит, он находится между двумя потоками воздуха, нисходящим и восходящим. Пойми, это просто болтанка. – Матвей старался говорить как можно сдержаннее, но его нешуточное волнение по-прежнему выдавал дёргающийся лицевой мускул, напоминающий нервный тик.

– Турбулентность бывает разной, – заикаясь от страха, произнесла я. – Последствия пребывания в турбулентности бывают от болтанки до поиска на земле чёрных ящиков. Как думаешь, что именно ждёт нас?

– Аня, прекрати!

– Прекращаю, – почти шёпотом ответила я, чувствуя, как сильно пересохло во рту.

Я никогда не была на Мальдивах, но видела массу фотографий этих потрясающих островов. На фото множество коралловых островов с яркой, искрящейся водой и сияющим солнцем. Очень колоритные снимки.

У всех, кто летал на Мальдивы, восторженные и восхищённые отзывы. Я знала, что единственный международный аэропорт находится в столице страны – Мале, и он практически расположен на воде. Рядом с аэропортом – порт с катерами и гидропланами, которые доставляют туристов к отдалённым туристическим островам-отелям.

Матвей любил заниматься дайвингом и обещал открыть мне красочный подводный мир с чистейшей водой. Он был там не раз и говорил, что на островах своеобразная морская флора и фауна. А ещё я слышала, что на Мальдивах располагается один из самых крупных рынков по продаже ракушек, кораллов и различных экзотических морских животных. Помимо этого, Мальдивы – одно из самых романтических мест в мире для влюбленных. Только вот с каждой минутой нашего полёта мне всё больше кажется, что нам не суждено посетить это райское и романтическое место.

А дальше стало ещё хуже. От страшной качки создавалось впечатление, что самолёт трещит по швам и скоро развалится на части. Кто-то начал истерично визжать: «Мы падаем!» Тут же раздались крики, чтобы немедленно прекратили панику и сохраняли спокойствие. Белый как мел Матвей держал меня за руку и невнятно бормотал себе под нос, что ничего страшного, это всего лишь воздушные ямы, а самолёты так устроены, что вынесут любую качку.

Самолёт бросало из стороны в сторону, затем вверх, потом вниз, и всем в очередной раз казалось, что мы падаем. Пассажиры были вне себя от ужаса, а я вжалась в кресло и думала о той минуте, когда эта железная консервная банка развалится.

Самолет лихорадило, и нас вместе с ним. Кто-то плакал, кто-то молился. В салоне валялся багаж, выпавший с полок, по проходам катились тележки. Пол дрожал. Некоторые пассажиры оказались заперты в туалете, другие отказывались садиться в кресла, предпочитая сидеть на полу. О пристяжных ремнях не было и речи, но мы с Матвеем не думали расстегиваться. У сидящей на полу рядом с нами женщины началась истерика.

– Мы разобьёмся! – вопила она, хватая пассажиров за одежду. – Сделайте что-нибудь! Я хочу жить! Жить, жить! Мы погибнем!

Она кричала так до тех пор, пока в салоне не появился один из пилотов и строгим голосом приказал ей занять своё место и немедленно пристегнуться. Многим пассажирам было плохо, стюардессы разносили пакеты.

– Матвей, ты меня любишь? – Мне захотелось признания в самый неподходящий момент.

– Люблю, – буркнул Матвей, дав понять, что думать о любви ему сейчас хочется меньше всего на свете.

Когда нам велели вновь обхватить голову руками, пригнув её к коленям, мы не знали, что уже перед самым приземлением экипаж утратил контроль над машиной. Слёзы текли по моим щекам, живот сводило от страха, девушку справа рвало.

Лётчики, как могли, пытались остановить падение и сажали самолёт вслепую. Послышались страшный грохот, нечеловеческие крики и дикий свист. Меня ударило о переднее кресло и оглушило. Было такое чувство, что треснул металл. Паника усилилась. Некоторые кресла сорвало с мест, погас свет, разбились окна, самолёт во что-то врезался. Раздался взрыв, грохот, начался пожар. Послышались вопли ужаса, стоны и крики о помощи тех, кто остался жив.

Увидев окровавленную и, скорее всего, мёртвую девушку в проходе, я закричала от ужаса, у меня из носа хлынула кровь. Я с трудом осознавала, что нахожусь в эпицентре кошмара, и поняла, что, в отличие от других пассажиров, просто чудом осталась жива. Салон был полон дыма. Те, кто остался жив и не потерял сознание, смогли сохранить самообладание и искали выход из самолета.

В момент крушения сидящего неподалеку от меня пожилого мужчину выбросило в проход на металлический пол. Он сильно ударился головой, корчился в невероятных муках, просил о помощи и непрерывно твердил, что у него сломаны рёбра. Рядом билась в припадке больная эпилепсией пассажирка, лежал ребёнок с переломами, лишённый способности двигаться.

– Я не хочу умирать… Не хочу… – слышались сзади чьи-то стоны.

А затем начались хаос и жуткая давка. Оставшиеся в живых нашли аварийный выход, образовалась очередь. Все толкались, глотали дым и пытались выбраться наружу.

У горящего самолёта нас ждали пожарные машины, «Скорая помощь» и спасатели, которые пытались сделать всё возможное, чтобы вытащить людей живыми из чёрных клубов дыма. Окровавленные и обожжённые люди выпрыгивали из горящего самолёта на конструкцию наподобие надувного батута. Спасатели принимали их и сразу провожали к машинам «Скорой помощи».

Из-за дыма вообще ничего не было видно. Заметив, что Матвей потерял сознание от страшного удара по голове, я попыталась освободиться от ремня, но замок, как назло, заело. Тогда я расстегнула ремень Матвея и стала трясти его за плечи.

– Матвей, миленький, приди в себя. Нужно выбираться! Иначе сгорим! Матвей! Матвей, очнись. Умоляю тебя, очнись, – уговаривала я.

Матвей словно услышал мои слова и открыл глаза.

– Аня, что происходит?

– Мы упали.

– Мы живы?

– Если мы с тобой разговариваем, значит, живы, – говорила я, задыхаясь от дыма. – Мы с тобой в рубашках родились, если, конечно, сможем отсюда выбраться и не сгорим.

– У тебя лицо окровавлено. Из носа кровь течёт.

– Нос сломан. – Я сплевывала кровь и чувствовала, что у меня не только сломан нос, но и рот похож на зияющую рану. – Матвей, нужно выбираться, а то будет поздно. Такая давка.

Матвей встал, закашлялся от дыма и, нагнувшись ко мне, схватил меня за руку.

– Пошли, а то сгорим к чёртовой матери.

– Я не могу. У меня ремень заело.

– Что делать?! – запаниковал Матвей и вновь закашлялся от едкого дыма. – У тебя есть что-нибудь острое ремень разрезать?

– Нет. Кто сейчас разрешает проносить острое в самолет? Матвей, ну сделай же что-нибудь. Помоги мне освободиться.

В этот момент недалеко от нас полыхнул столб огня. Проход к аварийному выходу был завален погибшими людьми и багажными сумками. Оставшиеся в живых пассажиры пробирались, перелезая через кресла, опрокидывая их так, чтобы они образовывали почти плоские площадки. Из-за сильнейшего задымления люди совершенно ничего не видели и пробирались к аварийному выходу на ощупь.

Где-то вдалеке у аварийного выхода раздавались команды стюардессы:

– Торопитесь!

Сквозь дым я уже не видела Матвея, но интуитивно схватила его за руку.

– Матвей, помоги. Вытащи меня из кресла!

– Аня, я жить хочу! – Увидев, что огненная стена уже совсем близко, он резко отдёрнул свою руку. – Извини! – Матвей бросился искать выход.

– Матвей! – кричала я, задыхаясь от дыма, мешая крики с громкими рыданиями. – Матвей, не бросай меня! Не бросай меня умирать!

– Анька, извини! – послышался вдалеке хриплый голос моего любимого мужчины.

– Матвей, не бросай меня!

– Ань, я жить хочу!

Из аварийного выхода люди прыгали ногами вперёд в чёрный круг. Им протягивали руки спасатели. Кого-то эвакуировали при помощи пожарной лестницы. Пожарные тушили самолёт. Из гидранта выплёскивались хлопья белой пены, пытаясь покрыть горящий самолёт слоем «снега». Недалеко от меня взывала о помощи женщина… Я не видела ее, задыхалась от дыма и с ужасом глядела на подступавшую огненную стену.

Я не знала, что в госпитале неподалёку от аэропорта уже начали работу по спасению раненых врачи и медсёстры. Врачи приступили к срочным операциям, а медсёстры раздавали обез-

боливающие средства. Те, кто остался в живых и не получил серьёзных повреждений, собрались в зале аэропорта. На некоторых тлела одежда. Пассажиры проклятого рейса пребывали в состоянии шока. Среди спасшихся пассажиров был и Матвей…

Но я не могла об этом знать. Я сгорела…

Глава 2

Но осталась жива…

Обожжено было не только моё тело. Обожжена была моя душа. В тот момент, когда пришла в сознание в ожоговой реанимации, я почувствовала, что мне не хочется жить. До моего сознания с трудом доходил факт, что, несмотря на многочисленные жертвы, я чудом спаслась. Правда, вот как – не помню. Наверное, меня успели вытащить из языков пламени спасатели.

Чудовищная мысль посетила мою раздирающуюся от дикой боли голову: «Матвей не предпринял ничего, чтобы вытащить меня из горящего самолёта». Где-то в памяти всплывали ужасные кадры, как я просила о помощи, а он крикнул, что сам хочет жить, и исчез в чёрном дыму. Вспоминая предательство близкого человека, мне хотелось кричать, биться в истерике, но не было сил, да и возможностей тоже. Я не могла ни говорить, ни выражать свои эмоции, ни шевелиться. Чувствовала себя настоящим трупом, который почему-то ещё не лишился способности мыслить.

Мне казалось, у меня нет не только кожи. У меня больше нет души. Временами представляла, что я в аду. Видела перепуганные лица врачей, которые смотрели на меня с нескрываемым удивлением и, видимо, сами не понимали, как я осталась жива. Порой я совсем не чувствовала тела, а порой оно начинало чудовищно болеть. От этой боли я сразу теряла сознание. Гортань была словно чужая, и я не могла больше произнести ни единого звука. Изо рта у меня торчала трубка, глотать было невыносимо больно.

Приходя в сознание, я постоянно думала о Матвее. Не понимала, почему он меня не ищет, ведь я ещё жива… Почему он не рядом? Сейчас я нуждалась в нём, как никогда в жизни.

Матвей… Мы поженились всего несколько дней назад и тут же полетели в свадебное путешествие на Мальдивы. Я любила Матвея всем сердцем. Любила настолько, что во время наших коротких ссор мне казалось, что я не живу, а просто погибаю. В последнее время меня вообще перестал волновать окружающий мир. Я утопала в нашей любви.

В детстве я мечтала о прекрасном принце, и когда судьба подарила мне Матвея, сразу показалось, что исполнились мои детские мечты. Я не могла представить, как можно жить без этого мужчины, без его улыбки, дыхания, без горячих и страстных поцелуев, без его сильных и тёплых рук. С каждым днём нашего знакомства я узнавала его всё больше и привязывалась к нему всё сильнее. Я поняла, как он для меня важен…

Если Матвей задерживался на работе, я не могла оторвать взгляд от часов и умирала от желания увидеть его как можно быстрее… Я никогда и никого так не любила и даже не думала, что умею так сильно любить. Мы с Матвеем прошли через многие трудности наших взаимоотношений. Иногда он делал мне больно, но я прощала.

Одному богу известно, как я боялась его потерять. Мне всегда хотелось ему подчиниться, стать для его необходимой и сделать всё, что доставит ему удовольствие. Мне хотелось отдать ему себя всю без остатка. И плевать, что на каждом углу твердят: нельзя так растворяться в мужчине, это чревато нежелательными последствиями. Я растворилась в Матвее полностью, и меня не интересовало чужое мнение на этот счёт. Даже короткая разлука наполняла моё сердце невыносимой болью. Мне казалось, что если когда-нибудь, не дай бог, Матвей исчезнет из моей жизни, я просто перестану существовать. Я любила его всей душой, до самого донышка.

Даже сейчас, когда я находилась между жизнью и смертью и была похожа на головешку, стоило подумать о Матвее, как где-то там, в низу живота, возникало знакомое чувство тепла и влаги.

Я любила Матвея и одновременно ненавидела его за то, что он бросил меня умирать. Это было слишком мучительно. Я вспоминала наши ночи любви и его клятвы: он никогда в жизни,

ни при каких обстоятельствах меня не бросит и, если потребуется, не раздумывая, отдаст за меня жизнь. Оказалось, это пустые слова…

В ночи любви его силы были неистощимы. Я горела, дрожала и подчинялась ему даже в постели. Я смаковала его тело, поглощая в себя каждую клеточку истомы, исходящей от него. Я чувствовала только наши тела, биение наших сердец и огромное желание быть вместе до самого последнего часа. Это было как наваждение, ничего больше не имело значения. Усталые, мокрые тела и безумно счастливые лица. Для нас изначально не существовало никаких запретов. Мы оба считали, что жизнью правит грех искушения, и с неописуемой самоотдачей отдавались бешеной гонке.

Мне всегда казалось, что до встречи с Матвеем я успела пропустить больше половины жизни между пальцев. До него я не жила. Я существовала. Матвей дал мне возможность ощутить себя живой и нужной, а точнее, самой-самой… В моей жизненной пустоте появился такой яркий свет, который сразу меня ослепил. Мне стало так светло…

Единственный, неповторимый, любимый… Я всегда буду благодарна судьбе за то, что в ней появился Матвей. Я жила его любовью, его настроением, его прихотью и его желаниями, которые научилась угадывать сразу, как только они появлялись. Я старалась не нарушать гармонию нашего пространства бессмысленными истериками и скандалами. Старалась держать себя в руках и всегда покорялась его власти. Матвей – моя единственная страсть.

Я не представляла, как можно жить без любимого, и в который раз прокручивала в голове ситуацию в самолёте. Тут же начинала пульсировать кровь в висках. Я не представляла, как он мог жить без меня. Как мог похоронить самое дорогое и спасти свою жизнь ценой моей смерти… Неужели этот поступок разорвёт всё, что нас связывало долгое время?! Даже если я, вдруг, выкарабкаюсь и смогу когда-нибудь встать на ноги, обязательно скажу ему, что буду любить его до последнего вздоха и последнего стона. Правда, сейчас я не могу не то что говорить, а даже стонать.

Вполне возможно, я стану калекой, инвалидом не только из-за травм, но и инвалидом любви. Если Матвей от меня откажется, а он практически уже это сделал, я буду всегда его ждать и искать оправдания поступку, который он совершил. Это всего лишь шок, паника, малодушие, страх… С каждым бывает. В противном случае, зачем дышать, если я потеряю надежду? Становится страшно…

Матвей не был моим первым мужчиной. До него у меня имелся опыт близкого общения с мужским полом. С кем-то расставалась я сама, а кто-то расставался со мной. Но до встречи с Матвеем мне казалось, что у меня нет сердца, потому что я не умею любить.

Мы познакомились, когда на улице шёл дождь. Я люблю дождь. Когда он сыплет сверху, я не спешу укрыться. Я шла, насквозь промокшая, ловила капли дождя и вспоминала, что родилась тоже в сильный дождь. Так рассказывала моя мама. Меня так и звали в детстве – девочка-непогода. Я никогда не поддавалась на уговоры мамы взять с собой зонт. Ненавижу зонты.

А затем девочка-непогода превратилась в девушку-непогоду. Мне казалось, под дождём легче дышать, потому что дождь – это всегда свежесть, а свежесть ассоциировалась у меня с переменами в жизни. Именно в такую погоду встретил меня Матвей. Просто остановил свой автомобиль рядом со мной и предложил подвезти. Я удивилась и сделала ему встречное предложение: прогуляться под дождём. Зачем упускать такую погоду? Нужно просто ловить момент…

После того как Матвей, накинув капюшон, под проливным дождём добежал до цветочной палатки и купил мне букет цветов, я всё же села в машину и попросила его открыть окно. Я хотела слышать дождь. Матвей удивился и сказал, что я забрызгаю ему весь салон, но увидев, что я решительно собралась выйти из машины, тут же открыл окно. В тот день я заглянула в глаза своего нового знакомого и поняла, что утонула…

Вот так дождь принёс перемены в мою жизнь. Я оставила Матвею свой номер телефона, а затем целую неделю ждала его звонка. И он позвонил. Мы встретились, и я уже не могла жить без его глаз, рук и голоса. Я не могла жить без него самого.

Любовь всегда ассоциировалась у меня со словом «страдание», но на этот раз я совершенно не боялась. Когда любимый был рядом, я видела мир в розовом цвете. Всё вокруг пело, а в сердце торжествовала весна. Рядом с ним мне хотелось обнять целый мир и кричать о своей любви.

Когда Матвей приходил не в настроении или в плохом расположении духа, он сознательно делал мне больно, а я всегда прятала свои слёзы. Мне не хотелось, чтобы он видел меня беспомощной. Но Матвею моя беспомощность доставляла настоящее удовольствие. Ему нравилось меня унижать и показывать свою власть. Я, как могла, сопротивлялась его нападкам. Мне хотелось, чтобы он видел меня сильной, но Матвей вытаскивал из меня все мои слабости и оставлял меня с ними один на один. Когда он уходил, что-то внутри меня обрывалось и мне становилось сложно дышать.

За всё это время я не стала для Матвея прочитанной книгой, он всё ещё хотел ее читать и читать. Он с лёгкостью читал все мои мысли и даже знал все мои самые сокровенные и потаённые желания. Я не боялась ломать себя под него, жить его жизнью, быть для него воздухом и стать его вторым «я». Я всегда знала, что он первый, а я вторая. Мне хотелось стать для него незаменимой. Когда чувствовала на себе его взгляд, полный удивления и восхищения, я готова была прыгать, словно девчонка, и громко хлопать в ладоши. Для любой женщины нет слаще минут, когда на неё смотрят, как на богиню.

Если девушки и просили провидение послать им принца на белом коне, то это о нём, о моём Матвее. И пусть он далеко не идеален, но я всегда училась его принимать таким, как он есть, и не питать иллюзий. Я интересовалась всем, что приносило ему удовольствие. Своими интересами я хотела подчеркнуть его чувство исключительности.

Как и в любой паре, у нас бывали кризисные моменты, и я отчётливо понимала: их лучше всего пережить, чтобы не накалять обстановку до предела. В такие моменты я пыталась внести свежую струю в наши отношения, пытаясь завоевать любимого заново, стараясь нарушать привычный ход событий.

Матвей – очень яркий мужчина, а ярких мужчин часто угнетает однообразие. Поэтому я старалась всегда быть яркой. Каждый день пыталась доказать, что я самая необходимая и лучшая женщина в его жизни. Мне хотелось стать его пристанью или спасательным кругом посреди океана.

А ещё я знала, что в любви нельзя расслабляться, ведь это ежедневная борьба. Я находила в себе мужество сохранить эту любовь. Я прошла и через соперничество, и через ощущение ненужности и заброшенности. Я прошла через это с высоко поднятой головой. Я окутывала любимого собой так, чтобы он не чувствовал уз, и околдовывала его так, чтобы он не тяготился моими чарами. Я сводила всё хорошее на себя, чтобы у него не было без меня ничего хорошего, даже настроения.

Мне хотелось стать самым главным объектом в его жизни. Я считала своим долгом быть достойной его. Я боялась разбить наш мир, для меня была намного важнее его жизнь, чем моя. Расстаться с Матвеем означало оттолкнуть свою судьбу, и я не раз думала о том, что даже если он станет ещё лучше, я уже не смогу полюбить его больше, потому что больше уже любить невозможно. Я грелась в лучах его жизнерадостной улыбки, таяла в объятиях и замирала в экстазе в момент нашей страсти.

Мне, как никому другому, понятно, что значит любить и сходить с ума, сгорать от желания занять в сердце любимого самое важное место. Даже если Матвей был далеко, я всегда ощущала его незримое присутствие. Когда возникало беспокойство, что Матвей может от меня

уйти, жизнь вокруг словно замирала, сердце замедляло свой ход, и казалось, что в любой момент может прерваться моё дыхание.

Однажды мы с Матвеем расстались на пару недель. Просто так, поругались на пустом месте, и Матвей заявил, что хочет побыть один. Эти две недели показались мне вечностью. Я не жила, а существовала. Я потеряла ощущение времени и не могла реально оценивать ситуацию.

Не знаю, как прожила это время и не умерла. Я отреклась от внешнего мира. Хотелось только одного: чтобы никто не нарушал моего одиночества. Я сказала себе: «Прощай!», – и мне стала неинтересна собственная жизнь. Даже было глубоко безразлично, как я выгляжу.

Я не могла прийти в себя от удара расставанием. Шрам на сердце болел, ныл и кровоточил. Мне хотелось только одного: чтобы моё сердце прекратило болеть и наконец-то успокоилось. Моя мама уговаривала забыть его и жить дальше. Она говорила, нужно приходить в себя и жить, а не существовать. А я не могла представить, как можно забыть любимого и всё, что с ним связано. Мне было комфортно в душевной пустоте. Матвей, уходя, забрал мою любовь к себе самой.

Видимо, изначально наша любовь с Матвеем была совершенно разной. Его – слишком циничной, а моя – чересчур искренней. Как только Матвей ко мне вернулся, я вновь начала дышать, а шрам, оставленный на сердце, перестал ныть. А затем свадьба в семейном кругу и путешествие на Мальдивы…

– Если не ошибаюсь, она плачет, – произнёс кто-то на английском языке рядом с моей кроватью.

– Посмотрите, у неё выступили слёзы на глазах. Бедная девочка!

Ко мне склонился незнакомый мужчина. Я увидела, как изменилось его лицо. Просто обугленный кусок мяса, у которого ещё бьётся сердце… Я смотрела сквозь слёзы на незнакомца и чувствовала, как от слёз жутко горит и щиплет моё лицо, на котором почти не осталось кожи. Боль была настолько сильной и нестерпимой, что мне хотелось закрыть глаза, на которых не осталось ресниц, и умереть.

– Яночка, это ты? – прошептал незнакомец.

Он смотрел на меня с таким ужасом и такой жалостью, что я пришла к мысли, что если останусь жива, никогда больше не посмотрю на себя в зеркало.

– Девочка моя… Зайка, это ты?

Если бы я могла говорить, я, конечно, ответила бы мужчине, что меня зовут Аня, но я не могла произнести ни звука. Не могла покачать головой. Я вообще ничего не могла, кроме как ощущать боль, физическую и душевную.

– Яна, мне говорят, ты безнадёжна, долго не протянешь, что тебя нельзя транспортировать в другую страну. Но я обещаю сделать всё возможное и вернуть тебя к жизни. Я найду для тебя самый лучший ожоговый центр, только, пожалуйста, скажи, что это – ты.

В этот момент врач на английском сказал мужчине, что я не могу говорить. В моей гортани слишком тяжёлые изменения после ожога.

– Яна, я сделаю для тебя всё. Я тебя вытащу, – лихорадочно произнёс мужчина. – Ты у меня и говорить начнёшь, и красиво выглядеть. Даже танцевать сможешь. Клянусь. Я тебе не дам на тот свет уйти. И пусть все говорят, что ты безнадёжна, что твоё состояние критическое. Пусть. Главное, подтверди, что это ты. Яна, я куплю тебе жизнь! И пусть говорят, что её невозможно купить, но я заплачу столько, что она сама пожелает к тебе вернуться.

Мужчина замолчал и нервно почесал затылок.

– Чёрт, ты же говорить не можешь. Тогда просто закрой глаза и открой. Это будет означать «да». Яна, это ты? – в который раз задал он вопрос.

«Я куплю тебе жизнь», – звучало у меня в голове.

Кровь пульсировала в висках так, что казалось, будто вены лопнут.

– Яна, пожалуйста… – молил мужчина.

Я открыла и закрыла глаза, почувствовав острую боль от вновь выступивших слёз.

Глава 3

Через несколько дней Аскольд, так называли человека, который, похоже, меня с кем-то перепутал, на свой страх и риск забрал меня из местной реанимации. Аскольд арендовал частный самолёт, и я оказалась в Бельгии, в одной из частных клиник. Здесь занимались тяжёлыми ожоговыми больными. Я сразу попала в реанимационное отделение. Там лежали с ожоговым шоком, поражением дыхательных путей, кровотечением и расстройством жизненно важных функций организма.

Реанимационная палата была оборудована всем необходимым для проведения реанимационных мероприятий, интенсивной терапии и наблюдения. Мои жизненно важные показатели теперь отслеживали сложные системы, специальные дозаторы лекарственных препаратов. Современная дыхательная аппаратура улавливала малейшие изменения дыхания, а также выбирала наиболее оптимальный режим лечения при болезни почек. Здесь работали высококвалифицированные хирурги, пластические хирурги и реаниматологи. Современное оборудование позволяло активно использовать в лечебном процессе современные высокоэффективные технологии хирургического лечения глубоких ожогов.

Спустя время я поняла, что уже буду жить, и теперь больше всего на свете боялась рубцовых последствий, которые нередко приводят к инвалидности. К счастью, в клинике особое внимание уделяли борьбе с рубцами. Одним словом, теперь мне предстояло второе рождение.

Аскольд приезжал каждый месяц на несколько дней, а когда мне делали очередную операцию, он находился в клинике ещё некоторое время. Сидел рядом, называл своей женой и показывал «наши» с ним совместные фотографии. Я смотрела на симпатичную девушку моего возраста и понимала, что он путает меня со своей женой Яной, которая, вероятно, погибла в той страшной авиакатастрофе.

Аскольд любил повторять, что я родилась в рубашке, что в момент крушения самолёта он хорошо накачался виски и оказался запертым в туалете. После крушения он был спасён одним из первых. В огненную гущу искать свою жену Яну его не пустили. Яна сидела в последнем ряду бизнес-класса. Я же находилась сразу после неё в эконом-классе.

Когда спасатели вытаскивали из горящего самолёта живых людей, меня нашли сразу, только никто из спасателей не верил, что во мне ещё теплится жизнь. Обугленное тело тут же отдали в реанимационную «скорую помощь». Когда сказали, что живых больше в самолете не осталось, Аскольд попытался узнать, откуда именно извлекли чудом оставшуюся в живых девушку, но никто не смог ответить ему на этот вопрос. Разве в потоке пламени можно было запомнить, кто где сидел или лежал?..

Я по-прежнему не могла разговаривать и, слушая Аскольда, всегда закрывала и открывала глаза, давая понять, что он не ошибся: я – его жена Яна. Я понимала: кроме этого мужчины, никто не сможет поставить меня на ноги и хоть как-то привести в порядок обезображенную внешность. Было нетрудно догадаться, что у него есть связи и деньги. У меня же ничего нет. А ещё я не хотела забирать у него надежду… Надежду на то, что его обожаемая супруга жива и они вновь будут счастливы…

– Янка, не переживай. Пусть на лечение уйдёт несколько лет, но тебя приведут в порядок. Правда, врачи говорят, прежнюю внешность тебе не вернуть, но не это главное. Главное, что ты жива. Когда тебя можно будет сфотографировать, сделаем новые документы. Твои ведь в огне сгорели. А пока ты у меня по справке поживёшь. Вот чем мне лечение за рубежом нравится, так это тем, что здесь лишних вопросов не задают. Самое главное – плати. Никакой бюрократии. И информацию о своих больных они тоже никому не дают.

Я с благодарностью смотрела на Аскольда и ловила себя на мысли о том, что всё же есть мужчины, которые не бросают своих женщин даже в таких критических ситуациях. Многим

мужикам здоровые женщины не нужны, а куда уж там больным. Признаться честно, в глубине души я даже завидовала Яне, ведь Матвей меня бросил…

Аскольд словно прочитал мои мысли.

– Яна, ты не думай дурного. Я тебя никогда не брошу. Я это сразу сказал, когда предложение тебе сделал. И в горе, и в радости… Я знаю, случись со мной такое, ты бы тоже меня не бросила. Я тебе верю.

На моих глазах вновь появились слёзы. Я с трудом осознавала, что если бы от Яны остались одна рука или нога, её муж любил бы эту руку или ногу. Да от Яны практически ничего и не осталось. Обугленная головешка с обожженными глазами без ресниц. Я вновь открыла и закрыла глаза.

Аскольд улыбнулся.

– Главное, ты всё слышишь и понимаешь, а говорить научишься, – радостно прошептал он.

В больнице ко мне относились с особым вниманием, трепетом и осторожностью. Ведь на сегодняшний день излечивают только тех больных, у кого площадь глубоких ожогов не превышает сорока процентов. Если больше, то летальный исход. Если я осталась жить, значит, я – исключение из медицинских правил.

Главный метод лечения глубоких ожогов – оперативное восстановление утраченного кожного покрова. От Аскольда я слышала, что мне произвели иссечение некротических тканей с одномоментной пересадкой аутотрансплантов. Там, где погибла не только кожа, но и подкожная клетчатка, мне пересаживали не кожные лоскуты, а кожу с подкожной клетчаткой с мышечными тканями для обеспечения питания поражённых тканей с применением пластики, используя микрососудистые артериальные и венозные швы. Всё это делалось для предупреждения инвалидности.

Операции производились за операциями. К удивлению врачей клиники, несмотря на все сложности, глубокие ожоги поддавались лечению успешно, и страх ампутации конечностей остался в прошлом. За мной постоянно наблюдали, меня исследовали и назначали курс за курсом различные лечебные процедуры. Меня содержали в стерильной палате.

Вскоре я уже смогла сидеть и вставать. Лицо у меня было забинтовано, поэтому я не видела своего уродства. Все перевязки мне делали под наркозом, иначе от дикой боли я тут же потеряла бы сознание. Самый страшный момент настал, когда с меня сняли бинты и я первый раз посмотрела на себя в зеркало. Я увидела изуродованную девушку, тело которой было покрыто страшными безобразными рубцами. Аскольд специально прилетел в тот день, когда мне снимали бинты. Увидев мои наполненные болью глаза и услышав глухие звуки, которые вырывались из моей груди, он подошёл ко мне и слегка прижал к себе.

– Яна, не переживай. Будем делать пластику до тех пор, пока твоя внешность тебя не устроит и рубцов на тебе не останется. Ты веришь, что всё будет хорошо?

Я со слезами на глазах смотрела на Аскольда и в знак согласия закрыла и открыла глаза.

– Не плачь, родная. Самое страшное позади.

Я уткнулась в грудь мужчине, который неожиданно стал для меня близким, и решила, что самое страшное ещё впереди. Впереди череда сложнейших пластических операций, которые мне предстояло вынести. Теперь уже врачи верили в хороший исход и постоянно говорили, что организм молодой, справится.

Каждый день, проведённый в клинике, стоил больших денег, поэтому персонал здесь был добрым и обходительным. Я смотрела в окно на прогуливающихся в парке пациентов, и однажды, не выдержав, взяла мобильный, заботливо оставленный мне Аскольдом для того, чтобы я писала ему сообщения, так как говорить я не могла, и набрала номер Матвея.

Услышав голос Матвея, я почувствовала, как заколотилось сердце. Мне хотелось закричать в трубку, но я не могла… Вот уже долгое время я была лишена подобной возможности и

завидовала тем, кто умел говорить. Голос Матвея был слишком живой и даже какой-то весёлый. Я слушала его голос, обливалась слезами и не могла представить, как он живёт без меня.

– Слушаю! – кричал в трубку муж. – Говорите, слушаю! Если вам нечего мне сказать, то не хрена сюда звонить! – В трубке послышались быстрые гудки.

Набрав номер своей мамы, я услышала её родной голос и заплакала. Он был слишком тихим, грустным и глубоко несчастным.

Я машинально набрала номер Аскольда и, услышав пьяный женский смех, тут же сбросила вызов. На душе стало пусто и одиноко. Я поняла, что Аскольд коротает вечера не один. Я пыталась убедить себя, что это совершенно чужой мне человек, у меня нет права его ревновать и уж тем более, заявлять на него свои права. Я и так должна быть благодарна ему за всё, что он для меня делает и ещё будет делать. Если бы не он и его деньги, я умерла бы сразу, через несколько дней после пожара.

Я и сама не могла понять, почему на душе так плохо. Наверное, оттого, что я до последнего верила, будто есть мужчины, которых в этой жизни интересует только одна женщина. Ошиблась. Их нет. Времена преданности давно закончились. Хотя, если разобраться, Аскольд не бросил свою Яну. Он всячески за неё борется, пытается вырвать из лап смерти и регулярно мотается к ней в клинику, оплачивая бешеные счета.

Но он ведь мужчина… И этим всё сказано. У него есть свои мужские потребности, природные инстинкты, которые он, в силу законов всё той же природы, просто не может сдерживать. И вообще, чего я взбунтовалась? Он же чужой… ЧУЖОЙ. И достоин уважения за то, как благородно относится к своей Яне. Пусть даже из жалости. Не важно. Главное, он с ней…

Не успела я об этом подумать, как на мой мобильный пришло сообщение от Аскольда, и у нас тут же выстроился диалог.

«Яна, ты мне сейчас звонила и молчала в трубку. Зачем?»

«Да, звонила, – защёлкала я пальцем по клавишам, набирая необходимые буквы. – Мне остаётся только молчать. Я же не могу говорить».

«Если не умеешь говорить, зачем звонить? Мы же договорились, что ты будешь мне посылать сообщения».

Судя по тексту, Аскольд нервничал. Он не хотел, чтобы жена, которой и без того плохо, знала о его похождениях.

«Я хотела услышать твой голос. Ты не один?»

«Я в компании друзей. Ты подумала, что я с женщиной?»

«Я слышала пьяный женский смех».

«Я с друзьями. Это жена одного моего друга».

«Я тебе доверяю, – поспешила успокоить его я. – Аскольд, у меня к тебе просьба. Когда ко мне придешь, захвати, пожалуйста, подборку газет о крушении моего самолёта».

«Зачем»?

«Я хочу знать, кто остался жив, кто погиб».

«Главное, что ты осталась жива. Зачем бередить былые раны?»

«Очень тебя прошу».

«Хорошо, любимая. Только где я возьму эти газеты? Столько времени уже прошло…»

«Поищи в архивах или в библиотеках».

«Для тебя всё что угодно».

«Спокойной ночи, любимый», – написала я напоследок, понимая, что Аскольду особо некогда со мной переписываться, ведь его ждёт женщина.

«Спокойной ночи, любимая», – ответил он.

Глава 4

Аскольд приехал с потрясающим букетом розовых роз. Я сидела у окна и смотрела на парк, где по дорожкам прогуливались пациенты клиники. Я никогда не выходила на улицу. Мне было страшно пугать людей своим уродством. В то же время я понимала, что уродством тут вряд ли кого испугаешь, ведь в клинике лежали только люди, поражённые огнём. Одним словом, людей с безупречной внешностью здесь было мало, это в основном пациенты, имеющие на выздоровление один шанс из ста. А я относилась к группе «счастливчиков», у которых вообще не было никаких шансов. В моей ситуации всё решил СЛУЧАЙ. Эти диоды, катоды, трубки, капельницы… Одному богу известно, как я от них устала…

– Яна, дорогая, как ты здесь без меня?

Аскольд бросился навстречу ко мне с букетом и без брезгливости поцеловал в щеку. Я по-прежнему не могла говорить, а только хрипела и произносила отдельные звуки. Когда увидела Аскольда, мне почему-то захотелось плакать. Мне было страшно, когда его нет рядом, и становилось ещё страшнее, когда казалось, что он больше не приедет. В минуты слабости и неописуемой тоски я представляла, как Аскольд решит, что я больше ему не нужна, и разорвёт со мной отношения. Зачем больная и убогая, когда на свете масса красивых и здоровых?!

Я боялась, что он влюбится в другую женщину, например в ту, которая пьяно смеялась в тот злосчастный вечер, когда мне захотелось позвонить, и поймёт, что я ему больше не нужна. Представляла, как меня попросят удалиться из клиники, ведь я не в состоянии заплатить даже за один проведённый здесь день. Как выйду на улицу, и прохожие начнут шарахаться от меня, как от настоящей заразы.

Именно по этой причине я всегда бросалась на шею Аскольду и плакала, когда он ко мне приходил.

– Успокойся, девочка моя, ты же знаешь, я рядом. Я никогда тебя не брошу, родная, – ласково говорил Аскольд и гладил мою лысую, покрытую рубцами, голову.

Перед тем как пойти на беседу к врачам, Аскольд оставил мне кипу газет, сообщавших о страшной катастрофе, и сказал, чтобы я не слишком близко принимала это к сердцу. Всё в прошлом. Теперь я должна с уверенностью смотреть в будущее.

Как только за ним закрылась дверь, я тут же схватила газету и пробежала глазами список погибших. Среди погибших была и Кочеткова Анна, а точнее, я сама. Прочитав о собственной смерти, я почувствовала, что у меня всё поплыло перед глазами, и схватилась за спинку кровати, чтобы не потерять сознание.

Придя немного в себя, я вновь взялась за газеты. Увидев статью, в которой красовалась наша с Матвеем свадебная фотография, я глухо застонала.

ЦЕНА ЗА СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

> «Молодожёны Кочетковы заключили брак всего за несколько дней до страшной трагедии. Это была очень красивая и яркая пара.
>
> Они полюбили друг друга с первого взгляда. Настоящая любовь не заставила себя ждать. Перед поездкой на Мальдивы они решили объединить свои сердца двумя кольцами и скрепить нежную любовь навеки. Казалось бы, судьбы влюбленных сплелись и уже ничто не помешает их счастью. Впереди романтическое свадебное путешествие на коралловые острова, в приют незабываемой романтики.

Влюблённые хотели пережить новые ощущения на острове Любви и Желания, окунуться в атмосферу приключений романтических островов и насладиться красотой самого сказочного места на земле. Они мечтали об ужинах при свечах под необъятным звёздным небом среди необыкновенных мальдивских коралловых рифов, о катании на украшенной лодке, о незабываемом, роскошном отдыхе. Они хотели любоваться закатом, бродить по пляжу, слушать шёпот волн, набегающих на белоснежный песок, и ещё крепче скрепить свои сердца под шум волн.

Садясь в самолёт, они взялись за руки в предвкушении встречи с самым романтическим местом на земле, которое должно удивить их своей красотой и подарить их любви прекрасные воспоминания. Предстоящей поездкой молодожёны хотели ещё больше укрепить свою любовь и стать самыми счастливыми людьми в мире. Но, видно, не судьба…

Во время крушения самолёта Матвей пытался спасти свою любимую, потому что хорошо понимал: жизнь без неё ему не нужна. Он хотел спасти молодую жену даже ценой собственной жизни, но так и не смог вырвать её из плотной стены огня. Доставив тело жены на родину, убитый горем муж не мог сдержать боли и слёз на похоронах. Хоронили Анну в закрытом гробу, так как её тело полностью обгорело и было неузнаваемо».

Под текстом красовалась фотография моей могилы, усыпанная живыми цветами. Отбросив со стоном газету, я зарыдала и, упав с кровати на пол, стала биться в истерике. В этот момент в палату вошёл Аскольд и, вызвав сестру, стал меня успокаивать:

– Яна, я тебя умоляю, перестань. Всё хорошо, девочка моя. Я как чувствовал, что не стоит тебе давать эти газеты. Не нужно трогать былые раны и предаваться воспоминаниям. Девочка моя, всё уже в прошлом.

Несмотря на уговоры Аскольда, я так и не смогла прекратить истерику и хоть как-то обуздать душевную боль. Успокоилась, только когда медсестра заставила меня лечь на кровать и сделала мне укол. Аскольд собрал газеты и выкинул их в корзину.

– Ни к чему тебе это всё читать. Я как чувствовал, не стоит тебе это давать.

Я затравленно смотрела на Аскольда и хотела только одного: чтобы у моей кровати сидел не он, а Матвей.

Успокоительный укол дал о себе знать. Я закрыла глаза и ощутила, как медленно проваливаюсь в сон. Мне снились Мальдивы… Милая, умиротворённая атмосфера счастья. Вот мы с Матвеем гуляем в пальмовых и банановых рощах, держим друг друга за руки и говорим о своих чувствах. Мы слушаем нежный шёпот ветра и шорох белоснежного песка под ногами, а наша трепетная любовь согревает наши сердца на протяжении всего отдыха.

Несмотря на то, что я люблю сильный дождь, мне нравился жаркий тропический климат Мальдив. Матвей ласково целует меня в ушко и вместе со мной любуется первозданной экзотической красотой. Тут нет ни хищных животных, ни ядовитых змей. Необыкновенно благоприятная природа дарит покой измученной душе.

Матвей обнимает меня за плечи, обещает показать волшебный подводный мир и уговаривает пролететь над безбрежным океаном на гидроплане. Я с досадой пожимаю плечами и говорю, что вряд ли полечу на гидроплане, я ужасно боюсь летать… Матвей понимает мой страх и предлагает вместо гидроплана поехать на рыбалку, а затем заказать на пляже на ужин барбекю из своего улова. Эта идея мне намного больше нравится, потому что когда думаю о полётах, я чувствую необъяснимый и всепоглощающий страх.

Вечером мы восстанавливаем силы на SPA-процедурах и массажах. Нам не даёт скучать роскошная клубная жизнь с её экзотическими коктейлями. В тот момент, когда Матвей прижимает меня к себе и покрывает моё тело поцелуями, я просыпаюсь…

Я просыпаюсь и думаю о том, что теперь Матвей вряд ли стал целовать моё изуродованное тело, но мне всё же так хочется вернуться в красивый и добрый сон… Так хочется…

Изо дня в день всё повторялось, и сегодняшний день как две капли воды походил на вчерашний. Врачи всё так же боролись с моими ожогами. Удаляли сгоревшую мёртвую ткань и делали кожную пластику. Это было очень проблематично и требовало титанических усилий медиков из-за дефицита донорских участков кожи. Мой организм уже был порядком ослаблен, а поражения были слишком обширны. Конечно, огромный плюс заключался в том, что меня лечили за границей.

Между операциями со мной теперь ежедневно занималась женщина-логопед, которую нашёл для меня Аскольд. Она была русской. Вышла замуж и переехала на постоянное место жительства на родину мужа. Это значительно укрепляло мой дух, потому что хоть я толком и не могла разговаривать, но так нуждалась в русской речи. Мне хотелось её просто слышать…

Логопед учила меня отрабатывать движения губ перед зеркалом для того, чтобы восстановилась моя артикуляция. Спустя несколько месяцев она действительно восстановилась. От артикуляции звуков я перешла к артикуляции слогов, а затем и целых слов. Самым сложным для меня словом почему-то стало «Аскольд».

Моя восстановленная речь звучала ещё слишком болезненно, выдавая, с какой тяжестью даётся мне каждое слово. Она постоянно прерывалась паузами для поиска новых слов. Особенно я испытывала трудность с окончаниями. Но для меня это уже была огромная победа, ведь совсем недавно я ограничивалась только мычанием и с огромным трудом произносила «да» и «нет». Логопед сообщила: чтобы я начала говорить более членораздельно, потребуется время.

После очередной операции я наконец-то успокоилась и уже без ужаса смотрелась в зеркало. Рубцы перестали быть такими заметными, а некоторые исчезли совсем. А ещё у меня наконец-то появились губы, очень даже пухлые и красивые.

После этой клиники я лежала ещё в нескольких клиниках пластической хирургии, боролась с рубцами, училась чётко выговаривать слова и пыталась привыкнуть к своей новой внешности.

Так прошло три долгих года. Мне объявили, что врачи сделали для меня возможное. Я подошла к зеркалу и не смогла сдержать слёз. На меня смотрела совершенно незнакомая девушка, не похожая ни на Яну, ни на Анну.

Глава 5

Мы подъехали к дому, в котором теперь мне предстояло жить вместе с моим «мужем» Аскольдом. Я чувствовала сильное волнение, но всё же постаралась взять себя в руки.

– Янка, ты хоть узнаешь родные пенаты? – Аскольд посмотрел на меня и улыбнулся.

– Узнаю, – немного растерянно ответила я, заезжая во двор.

– Смотри, тут совсем ничего не изменилось. Всё осталось так, как было до больницы.

– Я вижу.

Участок был очень красивым и ухоженным. Двор огорожен высоким каменным забором выше человеческого роста. Ворота открывались пультом дистанционного управления, а на калитке находилось видеопереговорное устройство. Всюду были видеокамеры. Аккуратные дорожки из цветной тротуарной плитки радовали глаз. На участке росли клёны, сосны, ели. Ухоженный газон орошали автоматические поливальные системы.

«Да, – отметила я, – Аскольд далеко не бедный мужчина».

Фасад дома украшали авторские мозаики. Портал входа был выполнен из мрамора. Терраса, балкон второго этажа и крыльцо были обнесены красивыми коваными ограждениями. Если уж быть откровенной, я никогда не бывала в подобных особняках. Даже в гостях, не говоря уже о том, чтобы жить в таком доме в качестве хозяйки.

Только я вышла из машины, как откуда-то выскочила большая собака и, громко залаяв, бросилась на меня, видно собираясь порвать на куски. Закричав от дикого страха, я успела заскочить в машину и с ужасом смотрела, как эта громадина злобно кидается на автомобильную дверцу.

– Джек, ты с ума сошёл?! – крикнул на пса Аскольд. – Свою хозяйку не узнаёшь? А ну, пошёл на место!

Увидев, что пса невозможно успокоить, Аскольд взял его за ошейник и потащил в вольер. Закрыв псину на замок, он помог мне выйти из машины.

– Янка, ты что трясёшься?

– А как, по-твоему, я должна себя чувствовать? Пёс чуть меня не порвал.

– Просто Джек от тебя отвык. Ты же несколько лет не была дома. Не переживай, он тебя вспомнит и будет любить больше, чем раньше.

– Если откровенно, я не горю желанием подружиться с этим псом.

– Джеком, – поправил меня Аскольд. – Его зовут Джек. Не называй его псом.

– Я буду тебе очень признательна, если ты будешь держать Джека от меня подальше.

– Странно, что он на тебя бросился. Всё ж ты ему не чужая. Видишь, как ты у меня изменилась. Даже любимая собака не узнала. Эх, Яна, теперь тебя вообще никто не узнает. Но, между прочим, нет худа без добра. В этом есть свои плюсы.

– Интересно какие?

– Милая, не торопи события. Чуть позже я всё объясню. Знаешь, все наши знакомые страшно удивятся, когда тебя увидят. Первая мысль при виде тебя – я поменял себе жену, – рассмеялся Аскольд и, обняв меня за плечи, повёл в дом.

Дом Аскольда превзошёл все мои ожидания. На первом этаже расположились просторный холл, кухня, столовая и гостиный зал с эркером и камином. Из гостиного зала можно было попасть в кабинет Аскольда, а откуда – на открытую террасу. Рядом с кабинетом находилась библиотека. Поражала высота потолков – около четырёх метров. В цокольном этаже были двенадцатиметровый бассейн с противотоком и массажным фонтаном, сауна, турецкая баня, джакузи, комната отдыха и тренажёрный зал. На втором этаже спальни – хозяйские и гостевые. А ещё выше находилась просторная мансарда с высотой потолка около шести метров.

– Янка, ты хоть соскучилась по дому-то?

В тот момент, когда Аскольд положил руку мне на грудь, я слегка отстранилась.

– Не надо, – в панике прошептала я.

– Не надо, так не надо, – тут же убрал руку Аскольд. – Я тебя не тороплю. Просто соскучился очень. Кстати, у меня для тебя сюрприз.

– Какой?

– Скоро узнаешь.

Сюрпризом он назвал приезд нескольких семейных пар, с которыми мы были якобы очень дружны и которых я, естественно, видела первый раз. Совершенно незнакомые люди преподнесли мне дорогие подарки, говорили, что я стала ещё более красивой, и желали мне крепкого здоровья и хорошего самочувствия. Мужчины жарили шашлык, а я разговаривала с незнакомыми дамами на различные женские темы.

– Яна, честное слово, я бы никогда тебя не узнала, – дружелюбно обняла меня за плечи незнакомая девушка. Судя по ее обращению со мной – моя лучшая подруга. Девушку звали Диной. – Знаешь, я тысячу раз хотела к тебе приехать, но Аскольд не разрешал. Не хотел, чтобы кто-то видел тебя обожжённой. Янка, ты вообще другим человеком стала. И внешность, и голос… От тебя прежней ничего не осталось. Ты другая.

– Хуже или лучше?

– Не могу сказать. Я же говорю, передо мной стоит совершенно другой человек. Но ты всё равно как была, так и осталась красоткой. – Дина наклонилась ко мне поближе. – Знаешь, Аскольд так по тебе убивался! Не передать словами. Бледный ходил – просто жуть. Страшно переживал. И всё-таки дождался свою красавицу. Совет вам теперь да любовь. Подруженька дорогая моя, как же я рада, что ты вернулась. Мне так тебя не хватало…

Гости ели шашлык и поднимали тосты за наше с Аскольдом счастливое будущее. Аскольд включил громкую музыку и пригласил меня на танец.

– Все так тебя ждали, – прошептал он мне на ухо. – Все в один голос говорят, что ты стала ещё красивее.

А я положила голову ему на плечо, спрятала свои слёзы и подумала: «За что мне всё это?»

Шли дни, но мы с Аскольдом спали в разных спальнях, потому что я постоянно твердила, что плохо себя чувствую. Конечно, Аскольд был очень привлекательным, но я и представить не могла, как могу лечь с ним в кровать. Получается, в кровати я должна играть роль Яны… От этой мысли мне становилось не по себе. Я видела, что Аскольд мучится, но не могла ничего с собой поделать.

Меня переполняло чувство благодарности к нему. Он подарил мне жизнь, но всё же смешивать секс и чувство благодарности не хотелось. Да ещё оставшиеся рубцы на теле… Хотя я понимала, что рубцы не испугают Аскольда, потому что он видел меня куда в худшем состоянии. И всё же ублажать чужого мужчину я не могла. Возможно, потому, что постоянно думала о Матвее. Другой причины я просто не находила.

Аскольд оказался на редкость понимающим человеком. Он говорил, что ни в коем случае не хочет меня торопить и наша близость настанет только когда я сама захочу. В один из дней Аскольд взял меня за руку и вывел во двор. Перед этим завязал шёлковым платком мне глаза.

– У меня для тебя сюрприз, – взволнованно произнёс он.

– Какой?

– Сейчас узнаешь.

Как только я вышла на крыльцо, сразу залаял Джек, который всегда реагировал на меня крайне негативно и злобно.

– О боже! Он закрыт?

– Не переживай, закрыт. Не знаю, что с ним творится. Хочется, чтобы он поскорее тебя вспомнил.

– Боюсь, у него совсем другая цель. Он и не собирается меня вспоминать, ему хочется меня съесть.

– Дорогая, не преувеличивай.

Аскольд снял повязку с моих глаз и указал рукой на ярко-красную иномарку, перевязанную ленточками и украшенную цветами.

– С днём рождения, любимая, – поцеловал меня в щёку Аскольд.

– Это мне? – Я смотрела на дорогой автомобиль и не верила своим глазам.

– Конечно. Я знаю, ты всегда о таком мечтала.

– А у меня сегодня день рождения? – Я всё же задала этот дурацкий вопрос.

– Конечно, а ты разве не помнишь?

– Знаешь, у меня в последнее время что-то с памятью… Может, амнезия?

– Ничего страшного. Оно и понятно, ты же столько вынесла и такое пережила. Знаешь, я иногда сам по ночам просыпаюсь в холодном поту. Снится, что самолёт падает. Как ни крути, психика нарушена. Вот по ночам кошмары и мучают. – Аскольд выдержал паузу. – Как тебе машинка? – взволнованно поинтересовался он.

– Я о такой не могла и мечтать, – честно призналась я.

– Ничего подобного. Мечтала. Ты одно время мне всю плешь проела. Я хотел подарить тебе её на день рождения, но подарок затянулся на несколько лет. Ты попала в больницу.

Я тяжело вздохнула – за что мне всё это? Я жила с Матвеем в двухкомнатной квартире, которая осталась ему от бабушки. Она нуждалась в капитальном ремонте и полной смене мебели. Матвей ездил на старенькой иномарке, которая постоянно ломалась, и почти все деньги уходили на то, чтобы её чинить. Из-за этого мы иногда даже ругались. Матвей неплохо зарабатывал, но его денег хватало только на повседневные нужды и различные бытовые проблемы. Мы любили ужинать в ресторанах или кафе. Ни о каких накоплениях не было и речи. Деньги на Мальдивы мы заняли у наших родственников, потому что все наши средства ушли на свадьбу.

– Что же ты молчишь, дорогая? Я готов выполнять все твои желания.

– Голова не на месте, – тут же ответила я, стараясь отогнать мысли о прошлом, и нерешительно взяла протянутые мне ключи от машины.

Я смотрела на роскошный подарок и чувствовала себя виноватой: я обманываю благородного мужчину, любящего другую женщину. На глазах почему-то выступили слёзы, и мне захотелось сделать Аскольда счастливым. Ни к чему лишать его иллюзии.

Казалось бы, у меня всё есть для счастья… Но всё же самый светлый уголок моего сердца принадлежал Матвею. Мне было больно предавать свои истинные чувства, и я не знала, смогу ли это сделать. Матвей всегда жил во мне. Память о нём была со мной все эти годы. Я шептала про себя его имя, как молитву, и ничего не могла с собой поделать…

Глава 6

После того как Аскольд уехал на работу, обещая вернуться пораньше, чтобы вдвоём отметить мой день рождения, я села в свой новенький автомобиль и поехала… к своему бывшему дому.

Подъехав к дому, где прошло моё детство, я припарковала машину недалеко от детской площадки, положила руки на руль и посмотрела на бабушек, сидящих на лавочке. Сердце так бешено заколотилось, что перестало хватать воздуха, и я стала жадно ловить его ртом.

– Здравствуй, мой родной двор…

Я понимала, что не должна это делать, но мне так хотелось хотя бы одним глазком увидеть свою мать… Немного поколебавшись, я всё же вышла из машины и направилась к своему подъезду. Соседки-бабушки осмотрели меня с ног до головы и стали шептаться на тему: интересно, к кому из жильцов приехала столь роскошная дама. Мои отросшие каштановые волосы слегка падали на лицо, а в глазах виднелась сильнейшая тревога.

Поднявшись на третий этаж, я подошла к своей квартире и, несмотря на сомнение, всё же нашла в себе силы нажать на звонок.

Дверь открыла мама. Я чуть не бросилась ей на шею, но всё же сдержалась, схватившись за косяк, чтобы не упасть в обморок.

– Мама…

– Вы кто? – обеспокоенно спросила мать. В её взгляде читалось подозрение.

– Мама…

– Что вам нужно? – Мама испугалась.

– Вы мама Анны?

– Да, – недоверчиво ответила она.

– А Аня дома? – только и смогла спросить я.

– Она погибла несколько лет назад. Вы разве не знаете?

– Нет. Я ничего про это не слышала.

– А вы кто?

– Я её знакомая из Омска. Приехала в Москву на несколько дней, хотела увидеться. Звонила ей на мобильный, но услышала, что номер не существует. Я подумала, она просто номер сменила.

– Она не номер сменила. Она погибла.

– Как же так… У меня её адрес был, я решила заехать.

– Видимо, вы с Анечкой давно не виделись. Проходите, пожалуйста.

Моя постаревшая мама провела меня на кухню, усадила за стол и напоила чаем с моим любимым земляничным вареньем. Мама вытирала заплаканные глаза носовым платком и рассказывала, как погибла Анна. На полочке стоял мой портрет, перевязанный чёрной лентой.

– Муж Ани спасся, а вот Анечка сгорела, – всхлипнула мать.

– Как же так получилось, что они вместе не спаслись?

– Да там, в давке, вообще ничего непонятно было.

– А он помогал ей спастись?

– Конечно, помогал. Пытался выдернуть её из пламени, да не смог. Там же давка была. Её языки пламени охватили, и тут возникла стена из обезумевших людей. Не смог он её найти.

Я подумала, что в газете была дана совсем другая версия, но не стала озвучивать свои мысли.

– Вот такое у них было первое и последнее свадебное путешествие на Мальдивы. Про них даже в газетах писали. Молодожёны всё-таки.

Я смотрела на родные стены и с трудом сдерживала рыдания, опасаясь, что расскажу маме о себе. Я не боялась, что мама мне не поверит. Материнское сердце не обманешь. В конце концов, я могу привести ей массу фактов из своей биографии, и она тут же поймёт, что я жива. Но больше всего я боялась, что у неё не выдержит сердце и случится удар.

На окне сидел мой любимый плюшевый медведь с одним загнутым ухом. Не удержавшись, я потянулась к медведю, взяла его и посадила к себе на колени.

– Анечкин, любимый, – сквозь слёзы произнесла мать. – Она с ним выросла.

– Красивый.

– Старенький уже, потрёпанный.

– Всё равно красивый.

Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами, и, уткнувшись в потрёпанное плюшевое ухо, поцеловала его.

– Топтыжкин…

– Аня тоже называла его Топтыжкиным.

– А муж Анечкин как это всё пережил? Страдает, наверное, до сих пор?

– Да как мужики всё переносят… Женился он, когда ещё и года не было, как Анечка умерла.

– Женился?

– Ну а что, молодой, красивый, видный. Такие долго в холостяках не ходят. Конечно, мне, как матери, было очень обидно, что Матвей сразу женился, но… дело молодое, от этого никуда не денешься.

– А на ком женился?

– Да на своей соседке. Видно, она после смерти жены тут же поспешила его утешить.

– На Люське, что ли? – вырвалось у меня.

– На Люсе. А откуда вы про неё знаете?

Взгляд матери стал настолько проницательным, что я съёжилась. Мне стало ещё больше не по себе.

– А мне Аня про неё рассказывала, когда ещё только с Матвеем познакомилась, – тут же выкрутилась я из скользкой ситуации, не выпуская медведя из рук. – Говорила, что она к нему неровно дышит и на шею вешается. Люська к нему до знакомства с Аней часто захаживала…

– Вот она своего и добилась. Ребёнку уже полтора года.

Известие о ребёнке добило меня окончательно, и я уронила медведя на пол.

– Как? И ребёнок есть?

– Сын. Ванечка. Полтора года. Матвей звонил, когда малышу год исполнился. Радостный такой, хвастался. А теперь ему уже полтора. Мы не общаемся. Он в последний раз на Анечкину годовщину приезжал. Я уже знала, что он женат. Хорошо хоть свою новую жену на Анину годовщину не взял, а то бы совсем не по-человечески было. Мы здесь с роднёй столы накрыли. Матвей час посидел и уехал. И за этот час только и делал, что говорил по телефону. Видно, новая жена названивала. Он постоянно оправдывался, говорил, что скоро будет. Я так поняла, она его ревновала. Но ведь какая эта глупость – постоянно дёргать человека на годовщине смерти жены. Больше я его не видела. Вот, собственно, и всё.

– Козёл. – Я подняла с пола медведя и посадила его на подоконник. – Он по жизни малодушный козёл. Обещал любить всю жизнь.

– Да что вы такое говорите? Кто сейчас любит всю жизнь? Таких теперь нет. Кстати, я даже не спросила, как вас зовут.

– Яна.

– Яночка, мужчин, которые могут любить всю жизнь, можно посчитать по пальцам. Да и любят ли… Возможно, любовь там уже трансформировалась в совсем другое чувство. Сейчас что молодых вдовцов, что пожилых сразу в оборот берут.

Я отодвинула чашку, улыбнулась маме.

– Я пойду. Спасибо за тёплый приём.

– Вы же из Омска приехали? Вам есть где остановиться?

– У меня здесь родственники. Скажите, а где похоронена Анна?

– Хотите съездить к ней на могилу?

– Хочу.

– А Москву вы хорошо знаете?

– Знаю немного. Но вы не переживайте. Я, если что, по навигатору телефонному найду.

– На Троекуровском кладбище.

– А где ж мне её там найти? Где могила?

– А я вам схему нарисую.

Сложив протянутый мне листок бумаги вчетверо, я не удержалась и, перед тем как выйти из квартиры, обняла и поцеловала маму.

– Яна, вы так похожи на мою дочь, – сказала она, когда я подходила к лифту.

– Мне кажется, внешне мы совершенно разные…

– Я имела в виду не внешнее сходство, – успела услышать я голос матери в тот момент, когда уже зашла в лифт.

Из машины я видела, как мама подошла к окну и, отодвинув занавеску, наблюдает за каждым моим движением. Вот теперь она вряд ли поверит, что я приехала на несколько дней в Москву из Омска и что мне требуется навигатор для передвижения по Москве, ведь я сажусь за руль дорогой машины. Надев тёмные очки, я мысленно послала ей воздушный поцелуй и прибавила газу.

Мой маршрут лежал на Троекуровское кладбище. Там особые энергетика и атмосфера. Здесь похоронены многие писатели и артисты. Территория кладбища была благоустроена. На центральных и даже второстепенных дорожках идеальная чистота. Кругом зелёные насаждения, газоны, цветники и альпийские горки. К моему удивлению, я нигде не увидела опавшей листвы.

Я шла по кладбищу и думала, что иду к своей могиле, чтобы окончательно проститься со своим прошлым и похоронить былую жизнь. Я даже повторила своё новое имя вслух несколько раз. Уж если судьба оставила меня жить в образе Яны, значит, я и должна ею быть. Присев на лавочку на одной из центральных дорожек, я набрала номер Аскольда.

– Аскольд, я так благодарна тебе за всё, что ты для меня делаешь. Ты самый лучший мужчина на земле. Спасибо тебе за всё.

– Яна, какие могут быть благодарности? Ты моя жена, и я очень сильно тебя люблю. Мы же с тобой сразу договорились: вместе и в горе, и в радости. Ты где, дорогая?

– На Троекуровском кладбище. – Я не поняла, зачем сказала правду, ведь это принесёт ему лишние переживания.

– А что ты там делаешь? – растерялся Аскольд.

– Просто мимо проезжала, решила заглянуть.

– Не понимаю…

Почувствовав в голосе мужа сильное волнение, я разозлилась на себя за то, что ляпнула лишнее, и тут же постаралась смягчить ситуацию:

– Знаешь, тут много пассажиров с нашего злосчастного рейса похоронено. Решила навестить их могилы.

– Янка, ты что, совсем с ума сошла? Хватить заниматься самоуничтожением. Они умерли, а мы должны жить. Понимаешь?! Их уже нет. И вообще, у тебя же сегодня день рождения.

– Милый, не ругайся. Я должна была сюда заехать. Я скоро буду дома.

– Я не ругаюсь. Я сильно переживаю за твоё моральное состояние. Хочу, чтобы сегодняшний день рождения мы встретили вдвоём в хорошем расположении духа. Хватит уже разрушать себя. Главное, мы оба живы, здоровы.

– Дорогой, всё будет, как ты захочешь.

Вспомнив о том, как я всегда обожествляла Матвея, говорила ему, что он самый-самый, жила его интересами, восхищалась его манерами, привычками, вкусами, я подумала, что Аскольд заслужил слова, которые он, скорее всего, уже давно хотел от меня услышать.

– Аскольд, я тебя люблю, – вырвалось у меня.

– Что ты сказала?

– Я тебя люблю.

– Как же мне не хватало этих слов!.. Ты сделала меня самым счастливым мужчиной на свете! Спасибо тебе за эти слова. Яна, хватит шарахаться по кладбищу, возвращайся домой, и давай покончим с прошлой жизнью, хорошо?

Глава 7

Я стояла у своей могилы, смотрела на свою фотографию и корила себя за то, что не купила цветы. Говорят, к покойникам лучше всего приходить с цветами…

Мир Анны был разрушен крушением самолёта, и в том мире не осталось места чувствам к Матвею. Мне хотелось упасть на собственную могилу, свернуться по-детски калачиком и бессильно зарыдать, оплакивая жизнь, любовь, предательство. А что, если бы после крушения самолёта не привела Матвея в чувство, не била бы его по щекам и не трясла за плечи? Он бы пришёл в себя? Его могила была бы рядом.

Закурив сигарету, я почувствовала, как затряслись руки, и вспомнила страшное событие, которое мне довелось пережить.

…Хаос и жуткая давка. Оставшиеся в живых нашли аварийный выход, образовалась очередь. Все толкались, глотали дым и пытались выбраться наружу. Окровавленные и обожжённые люди выпрыгивали из горящего самолёта на конструкцию наподобие надувного батута. Спасатели принимали их и сразу провожали к машинам «скорой помощи». Из-за дыма ничего не было видно. Заметив, что Матвей потерял сознание от страшного удара по голове, я попыталась освободиться от ремня, но замок, как назло, заело. Тогда я расстегнула ремень Матвея и стала трясти его за плечи.

– Матвей, миленький, приди в себя. Нужно выбираться! Иначе сгорим! Матвей! Матвей, очнись. Умоляю тебя, очнись, – уговаривала я.

Матвей словно услышал мои слова и открыл глаза.

– У тебя лицо окровавлено. Из носа кровь течёт.

– Нос сломан. – Я сплевывала кровь и чувствовала, что у меня не только сломан нос, но и рот разбит. – Матвей, нужно выбираться, а то будет поздно. Такая давка.

Матвей встал, закашлялся от дыма и, нагнувшись ко мне, схватил меня за руку.

– Пошли, а то сгорим к чёртовой матери.

– Я не могу. У меня замок ремня заело.

В этот момент недалеко от нас полыхнул столб огня. Проход к аварийному выходу был завален погибшими людьми и багажными сумками. Оставшиеся в живых пассажиры пробирались, перелезая через кресла, опрокидывая их так, чтобы они образовывали почти плоские площадки. Из-за сильнейшего задымления люди совершенно ничего не видели и пробирались к аварийному выходу на ощупь.

Сквозь дым мне уже не было видно Матвея, но я интуитивно схватила его за руку.

– Матвей, помоги. Вытащи меня из кресла.

– Аня, я жить хочу! – Увидев, что огненная стена совсем близко, он резко отдёрнул свою руку. – Извини! – Матвей бросился искать выход.

– Матвей! – кричала я, задыхаясь от дыма, мешая крики с громкими рыданиями. – Матвей, не бросай меня! Не бросай меня умирать!

– Ань, я жить хочу! – послышалось мне в ответ.

…Это был последний эпизод моей некогда счастливой семейной жизни. Закончилась жизнь, в которой мне ничего не было нужно, кроме НЕГО. Даже не верится, что без этого человека я не представляла своего дальнейшего существования.

До этого глубокого чувства с мужчинами меня могла связывать только постель. Цинично, но если кто-то хотел от меня большего, я всегда говорила, что секс – это ещё не повод для знакомства. И только с Матвеем всё сложилось по-другому.

После каждой нашей встречи я приходила домой в страхе – вдруг эта встреча окажется последней? Матвей сразу прочувствовал, что я – его собственность, и я совершенно этому не

противилась. Я настолько его любила, что согласна была стать пылью на его ботинках, только бы с ним. Я подчинилась ему сразу и, как верная собака, терпеливо ждала его с работы.

Сейчас, стоя у собственной могилы, я уже не могу однозначно ответить на вопрос, любил ли меня когда-нибудь Матвей. Скорее всего, нет. Просто привычка, к людям же привыкают. А женился потому, что решил: я буду просто идеальной женой, ведь добрее и нежнее меня не было в целом мире. Ему даже нравилось со мной ссориться, потому что я всегда первая просила прощения и давала понять, что без него не могу.

Мне казалось, он должен обязательно оценить мою жертвенность и понять, что лучше меня никого нет. Конечно, я осознавала, что уже давно перестала быть собой, но для меня так важно было находиться рядом с любимым человеком!

И всё же, несмотря ни на что, время, которое я провела с Матвеем, осталось в моей памяти как самое лучшее. Я любила его, и теперь уже не важно, что он не любил меня. Он просто мною пользовался. Я любила и не просила ничего взамен. Не суждено нам было нарожать кучу детей и жить долго и счастливо.

Но жизнь продолжается. Каждый день в мире ссорятся и мирятся миллионы пар. Никому нет дела до того, что одна из них распалась. Среди них нет больше меня и Матвея, но кто скажет, что это горе, если мы затеряны в людском потоке…

Годы борьбы за жизнь и за внешность сделали меня совершенно другим человеком. Теперь я уже не отношусь к числу тех, для кого после предательства любимого исчезает смысл жизни. И пусть эта любовь запомнится навсегда. Пусть! Боль со временем притупится, а затем уйдёт. От любви останутся лишь воспоминания.

Прошлое не изменить. Оно закончилось. Я знаю, что никому не нужна слабой, несчастной и страдающей. Я нужна людям сильной. И Я СТАЛА СИЛЬНОЙ. Не каждому это дано. Я не буду больше искать смысла жизни. Я просто буду жить осмысленно.

Я смотрела на свою могилу и думала о Яне. Она лежала одна в холодной земле.

– Прости, но теперь я должна жить за тебя.

Не успела я сказать эти слова, как заморосил дождь. Я подняла голову к небу и подумала, что после своей смерти Яна, скорее всего, стала ангелом. В одной из тучек я увидела её лицо. Узнала по фотографии, которую показывал мне Аскольд. Дождь – это мои слезы по ней. Дождь – это слезы Яны. Она плачет, что жизнь продолжается, но её больше нет. Дождь – это всегда плачущая душа. Я знала, что на сей раз плачет душа Яны…

– Яна, я буду жить за тебя. Я сделаю Аскольда счастливым! – крикнула я, глядя на небо, и поразилась, как быстро прекратился дождь и выглянуло солнышко… – Спасибо, что ты меня услышала.

Я вернулась к воротам кладбища, села в машину, и тут мне пришло в голову навестить Матвея. Захотелось поставить крест на всей этой истории, проститься с тем, что мне было когда-то так дорого.

Через полчаса я въехала в свой собственный двор и отыскала знакомые окна. Вот мое бывшее семейное гнёздышко! На окнах новые занавески, значит, в нашей квартире теперь живет совсем другая женщина. На подоконник кухонного окна прыгнул кот, и сердце у меня дрогнуло.

– Мурзик, привет… – вырвалось у меня.

Мурзик спокойно вылизывал лапку. Потрясающий кот. Он так любил тереться о мои ноги и громко мурлыкать, а в кровати ложился мне на грудь.

Чем дольше я смотрела на свои окна, тем больше чувствовала, как меня начинает трясти. Горела голова, мысли путались. Стало казаться, что моё второе рождение уже не принесёт мне ничего хорошего, а дальнейшая жизнь станет одним сплошным мучением. Это будет не жизнь, а жалкое существование с постоянными воспоминаниями о бывшей любви.

Пригладив волосы, я бросила прощальный взгляд на уже чужие окна с противными занавесками и что было сил надавила на газ. Выехав со двора, я увидела мирно следующую к своему дому машину Матвея и от неожиданности не смогла справиться с управлением и въехала ему в бок. Матвей тут же выскочил из автомобиля и стал возмущённо размахивать руками.

– Дура, ты не видела, что я поворачиваю?! У меня же преимущество! Ты что, совсем правила не знаешь?! Ты сколько дней за рулём, идиотка? Думаешь, если тачка крутая, тебе всё можно? Думаешь, на такой тачке море по колено?!

Я сидела словно в тумане, положив руки на руль, и смотрела на бегающего возле машины Матвея.

– Ну что теперь делать? У меня, как назло, страховка закончилась неделю назад! Я машину застраховать не успел! Хотел сделать это завтра!

Собрав волю в кулак, я вышла из машины и подошла к Матвею.

– Ты что орёшь? – Я не хотела показывать, как мне тяжело даётся каждое слово, но губы предательски дрожали, и я ничего не могла с этим поделать.

– Как это что? – опешил Матвей. – Ты же мне машину ударила. Половину дверцы разнесла! – Матвей нервно закурил и смотрел на меня лютым волком. – Послушай, давай мирно разойдёмся. Я, конечно, могу ГИБДД вызвать, но мне кажется, будет лучше, если ты мне просто денег отвалишь. Я в сервис поеду, ремонт сделаю, и дело с концом. Зачем нам эта бодяга нужна? Сейчас только ГИБДД будем ждать часа два, не меньше. На такой крутой тачке катаешься, для тебя это, должно быть, не проблема.

Я спокойно стояла перед ним, и вдруг мне так захотелось курить… Господи, а я ведь не курила все эти годы.

– У тебя есть сигарета?

– Держи, – Матвей протянул мне пачку сигарет и поднёс зажигалку. – Послушай, ты сумасшедшая, что ли? Чего на меня смотришь? Что по деньгам-то решать будем?!

Но в этот момент я потеряла дар речи. Смотрела на человека, которого столько времени боготворила, и не верила, что опять его вижу. Грустная правда жизни состояла в том, что Матвей больше не мой муж. А может быть, это не такая уж и грустная правда жизни, а скорее, наоборот… Этот человек был совершенно не способен оценить благородные порывы моего сердца. Моя любовь всегда открывала для него широкое поле для манипуляций.

– Скажи, ты в себе? Ты хоть понимаешь, что я тебе говорю?

– У тебя воротник на куртке грязный, – неожиданно заметила я.

– А при чём тут воротник?

– При том, что жена у тебя хреновая, если даже не видит, что мужик в грязной куртке ходит.

– А при чём тут мой жена?! – тут же вспылил Матвей. – Я со своей женой сам разберусь! Лучше давай решать, как мы с тобой по деньгам разойдёмся.

– Да пошёл ты со своими деньгами куда подальше! – крикнула я вне себя от ярости и села в машину.

Увидев, что я завела мотор и собралась уезжать, Матвей тут же бросился к моей машине.

– Я сейчас ГИБДД вызову!

– Вызывай, – холодно ответила я. – Только не ори мне в ухо. Я оглохла уже.

– Ты не представляешь, что тебе за это будет! Ты же с места аварии сейчас уедешь!

– Ничего мне не будет, – безразлично ответила я.

– Как это не будет?

– У меня муж крутой, отмажет. – Я посмотрела на Матвея с вызовом. – Для него это пара пустяков.

Видимо, мой хамский ответ окончательно вывел Матвея из себя.

– Думаешь, – заорал он как ошпаренный, – если вышла замуж за крутого и села в дорогую тачку, тебе в этой жизни всё можно?! Да?!

– Да, – совершенно спокойно ответила я. – А за кого замуж ещё выходить? За такого лоха, как ты? Чтобы потом на таких дровах ездить? – Я многозначительно посмотрела на разбитую машину Матвея.

– Ах ты, сука… – только и мог сказать Матвей. – Продажная циничная тварь. Продалась за бабки!

– А ты как думал? Не бесплатно же таким, как ты, грязные воротнички на куртках стирать.

Я включила заднюю скорость, резко сдала назад, отъехала от машины, которую только что разнесла, быстро вывернула руль в сторону Матвея.

Матвей резво отпрыгнул на клумбу.

– Тебе от Ани привет! – крикнула я.

– От какой Ани?

– От Кочетковой Анны Георгиевны, твоей первой жены.

– Ах, ты ещё и знала мою жену! Решила надо мной поиздеваться?! Я это так не оставлю! Никакие деньги тебе не помогут!

– Она просила тебе передать, что ты кретин!

– Как просила? – растерялся Матвей.

– Громко! Ты – кретин, понимаешь? Урод! Трусливый, жалкий и подлая сволочь!

Я надавила на газ и помчалась к центральной трассе. Не прошло и пяти минут, как я набрала номер Аскольда.

– Аскольд, – устало произнесла я, – у меня неприятности. Я задумалась и въехала в одну машину. Разнесла дверцу. У меня тоже повреждения есть. А ещё я уехала с места аварии. У меня могут возникнуть неприятности с ГИБДД.

– Это всё или у тебя ещё что-то случилось? – на всякий случай поинтересовался Аскольд.

– Вроде бы всё. Если будет что-то ещё, я обязательно тебе сообщу.

– А с места аварии ты зачем уехала? Нужно было при помощи денег проблему решить.

– Да на той машине такой идиот… Истерику закатил. По его фейсу сразу стало понятно, что по поводу денег с ним говорить бесполезно. Аскольд, ты же меня отмажешь?

– Куда мне деваться? А твою машину сильно зацепило?

– Прилично.

– Ладно, не переживай. В конце концов, у тебя сегодня день рождения. Знаешь, я даже рад, что ты ударила чужую машину.

– Почему?

– Потому что ты моментально встряхнулась и позвонила мне, как делала прежняя Яна.

Закончив разговор, я всхлипнула и громко, по-бабьи, заревела…

Глава 8

Как только мы с Аскольдом вернулись из специально арендованной вип-комнаты отличного ресторана после восхитительного ужина на двоих, я бросила цветы на пол и обвила шею Аскольда руками.

– Я хочу, чтобы ты любил меня.

– Ты уверена?

– Хочу, чтобы мы наконец занялись любовью, – со вздохом произнесла я и впилась в губы Аскольда поцелуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.